

Андрей Земляной
Борис Орлов

РОКИРОВКА

Борис Орлов

Рокировка

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Орлов Б. Л.

Б. Л. Орлов — «АСТ», 2016

Погибнуть с честью, исполняя свой долг, это иногда не конец, а лишь начало новой истории. Истории, в которой уже не будет Третьего рейха, сожженного Берлина, не будет испепелённых Хиросимы, Нагасаки и Токио... А что будет?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

© Орлов Б. Л., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

1	6
2	22
3	32
4	42
5	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

**Андрей Борисович Земляной, Борис
Львович Орлов
Рокировка**

© Андрей Земляной, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

1

– *И-и, твою!* – Человек на экране передвижного командного пункта двигался неторопливо, словно прогуливался, но бесстрастные датчики уже засекли на его теле два десятка килограммов тротила и электронное устройство, что означало кошмар средней тяжести, ибо машину, бронированную, словно танк, такой вот пояс шахида, конечно, не пробьёт, но дел наделает предостаточно.

Оператор командного центра уже бубнил в микрофон, стягивая к смертнику сотрудников, а руководитель «Заслона» нервно кусал губы, борясь с желанием лично двинуться на перехват придурка со взрывчаткой.

– *Восьмой квадрат, пересечение Лиговского и Прилукской. Объект – мужчина сорока лет, высокий, в светло-синей куртке, за спиной чёрный рюкзак, штаны голубые. Перехват и уничтожение...*

– *Восемьдесят шесть принял...*

– *Девяносто третий принял...*

А пожилой мужчина, стоявший на углу возле магазина «Продукты», с улыбкой наблюдал за суетой, которой сопровождался визит «самого» в Ленинград, а ныне Санкт-Петербург. Многочисленная охрана и спецслужбы уже перекрыли проезд, выставили блокпосты и нагнали толпу полицейских.

Как раз парочка таких парней в чёрной форме, с тяжёлыми пластиковыми щитами и в глухих шлемах, стояли рядом и беседовали о чём-то своём.

Взгляд мужчины, скользнувший от милиционеров, вдруг упёрся в некоего гражданина небритой наружности, который неожиданно перешёл от неторопливой, фланкирующей походки к упругому и быстрому шагу, а где-то на периферии зрения появилась пара парней в одинаковых плащах, двигавшихся на этого гражданина, словно ракеты с самонаведением.

Взгляд схватил всю картину целиком, а голова уже считала варианты, и когда из-за поворота появилась стайка школьников, спешиций небритый мужик выкрикнул: «Аллах акбар!» – тело, уже заряженное на движение, скользнуло вперёд.

Разогнанный боевым трансом, словно тень, пожилой проскочил между полицейских, выдернув щит из рук одного и отшвырнув, словно катапультной, второго, буквально смял шахида, накрыв его щитом и для верности распластавшись сверху, перекрыв путь осколкам собственным телом.

Удар – и жуткая, раздирающая сознание боль на мгновение вспыхнула в голове, и серая пелена спасительного забвения накрыла сознание...

Когда Александр очнулся, вокруг было тихо.

«Выжил, что ли?.. Да ну, нахрен!.. Не бывает такого...»

Он оглянулся, но кроме далёких серых стен и невысокой кушетки, на которой он лежал, вокруг было пусто.

Быстро осмотрев и ощупав себя, Александр сначала удивился тому, что нет даже царапин, а через секунду, задрав рубашку, с изумлением наблюдал чистую кожу там, где был длинный шов от осколка, вспоровшего живот.

– Чудны дела Твои...

– Не следует упоминать это имя, – раздался глубокий бархатный голос. – И тем более – здесь и сейчас...

– Да?.. – вот и все, на что хватило Александра.

Мужчина, неведомым образом материализовавшийся в помещении, был одет в шёлковый летний костюм и лёгкие светло-коричневые туфли. Лицо гостя было тонким, благооб-

разным и украшено небольшой серебряно-седой бородкой, словно у старого морского волка. Он сделал движение, словно начал опускаться на стул, и тут же под ним возникло кресло, с лёгким скрипом принявшее на себя вес посетителя.

– Ловко... – Александр оценил трюк гостя и улыбнулся.

– Да... – Мужчина внимательно посмотрел в глаза Александру и тоже улыбнулся в ответ, достал из воздуха красную сафьяновую папку и, открыв её, стал читать вслух: – Александр Ладыгин, шестьдесят восемь лет, полковник в отставке, подразделение специального назначения внешней разведки. Имеет правительственные награды, список прилагается... Ага. – Собеседник Александра сделал паузу, хмыкнул чему-то, покачал головой и продолжил: – Образование высшее, Московский институт нефти и газа, химик-технолог, окончил в восемьдесят девятом. С тысяча девятьсот девяносто первого года – в составе группы «А». В тысяча девятьсот девяносто пятом участвовал в освобождении заложников, захваченных в городе Будённовск. Лично спас четверых детей, получил осколочное ранение живота. Потом лечение, снова служба и несколько десятков убитых.

– Детей? – насмешливо спросил Александр.

– Нет, детьми убитые не были... – Седой покачал головой. – Мало того, убитые и людьми-то уже не были. Как-то так уж сложилось, что убивал ты оболочки, уже лишённые души. Так что греха на тебе нет. – Старик сделал движение, будто ставил папку на полку, и она исчезла. – Греха нет, а вот за пятнадцать спасённых детей да за многое другое положено райское блаженство, если это так можно назвать. Можешь отправляться хоть сейчас.

– Нимб дубелями крепить будут? – Александр хмыкнул.

– Не будет никакого нимба. – Старик улыбнулся. – А будет дом на берегу моря, как ты и мечтал. Рядом дома таких же, как и ты, русских солдат. Женщины, дети, роскошные дороги и полный гараж разных машин. Пространство такое, что можно путешествовать вечно.

– Круто, конечно. – Александр кивнул. – Действительно рай. Но провести так вечность...

– Да, это проблема... – признал со вздохом старик. – Не любит ваше племя бездельничать. Всё норовите чего-нибудь учинить. Вечно вы что-то строите... или кого-то. Учите жить, правда, иногда – до смерти... А то еще задеретесь – только клочки по закоулочкам летят...

Перед глазами Александра вдруг появилось пламя, беззвучно встали столбы разрывов, какие-то темные фигуры бросились было к нему, но тут же начали падать сломанными куклами. Видно, где-то с кинжальной дистанции заработал пулемет...

Все исчезло, а перед ним снова оказался «старый морской волк», с интересом разглядывавший его.

– Вот, собственно, поэтому я к тебе и пришёл. Приходится пристраивать вас по разным временам и местам, надеясь, что второй раз вы влетите в чистилище или на переплавку, и это будет уже не моя проблема.

– А меня куда? – Александр встал с кушетки и подошёл ближе.

– Ну, варианты есть. – Седой неопределённо пошевелил пальцами. – А сам куда хочешь?

– Да чёрт его знает, – полковник покачал головой. – Моё время мне как-то тоже нравилось. Но вот Франция годов шестидесятых двадцатого века тоже ничего. Но за шестидесятыми ведь неизбежно будут девяностые, и далее без остановок. Так что тоже нет.

– Не буду врать, ты дважды, сам того не желая, спас узловы личности вашего пласта реальности. Так что у меня перед тобой должок. Хотя это никак и не приближает нас к решению твоей проблемы. А хочешь в тело маленького Петра Романова? Есть у меня такая линия. Не основная, конечно, но тоже активная. Будешь царём...

– Нет уж, благодарю, – Александр тихо рассмеялся, представив себя в тяжёлой шубе с короной на голове и топором в руках.

– А если в Германию? Адольфом Гитлером? Можешь все переменить, исправить, улучшить...

Александр непроизвольно передернул плечом:

– Да уж, перспективка... «Arbeitmachtfrei»¹ везде и повсюду. Нет уж, лучше тогда болото с женщинами, детьми и машинами...

Старик почесал бороду:

– Может быть, Степан Разин?

– И играть в водное поло персиянками?

– А султаном Великой Порты? – с надеждой поинтересовался седой. – Янычары, спаги, верные визири, наложницы...

– Рабы и сплошной поток ненависти... – продолжил Александр. – Но я хочу уточнить один момент. Вы сказали, что можно меня поместить или переместить... неважно. А вот как быть с моей памятью и памятью реципиента? Ведь если не будет чужой памяти, у меня сразу масса проблем, а если не будет моей – то это буду не я. Даже если урезать мою память, опыт и прочее, это опять-таки буду не совсем я. Может, это обсудим?

– Да нечего тут обсуждать. – Старик отмахнулся. – Будет тебе память. В качестве моего личного расположения. Всё же ты мой человек, а не... оппонента. Ладно. – Он встал и насмешливо прищурился. – Раз ты выбирать не хочешь, значит, будет тебе мой приказ. Отправляйся, сынок, и не слишком там шали. А то знаешь... Ну в общем, разберёшься на месте. – С этими словами старик чуть шевельнул пальцами.

Александр что-то хотел сказать, но комната исчезла, скрывшись в чем-то зеленом, мутном и холодном. Сдавило грудную клетку, захотелось кричать...

...На попытку приоткрыть рот в горло хлынула вода, и Александр чуть не задохнулся, а дёрнув руками, понял, что те связаны за спиной.

Мгновенная паника была раздавлена в зародыше, и, извиваясь, словно червяк, он ринулся наверх, туда, где сверкало солнце.

Вынырнув на поверхность, он рывком развернулся, оглядываясь, и, поняв, что берег рядом, заработал ногами, толкая тело вперёд. Ноги почему-то быстро устали, но, преодолевая немощность тела волевым импульсом, он буквально выдернул себя на берег, изогнулся, просовывая руки вперед, и, дрожа от спазма, охватившего всё тело, встал.

– Сашка!!!

Дикий вопль воткнулся в голову, словно шило, и Александр даже помотал головой от шока.

– Сашка! – по обрыву, осыпая песок, почти свалилась невысокая худая и угловатая девчонка, одетая в серое платье, и стала рвать веревки, которыми были связаны руки. – Я этих тварей ночью зарежу! Они у меня дерьмо будут жрать.

Память как-то лениво провернулась, и лицо девочки совместилось с именем.

– Лерочка? Откуда такое богатство гастрономических изысков?

– А кто же ещё! Говорила тебе, придурок, не ходи с Сявкой. Эти козлы вообще озверели.

– Сергей Гаршин... – произнёс Александр вслух то, что крутилось на языке. – Берега он вконец потерял, ну да я найти помогу...

– Ну, да я же и говорю Сявка-Параша. Гад! – Девочка наконец справилась с верёвкой и заглянула в лицо Александру. – Пойдём, тебе к доктору надо. Как выбрался-то?

¹ «Груд освобождает» (нем.) – фраза в качестве лозунга была размещена на входе многих нацистских концентрационных лагерей Третьего рейха, например, Заксенхаузен, Терезин, Гросс-Розен, Освенцим.

– Выбрался, – Саша задумчиво растер сорванные в кровь запястья и внимательно осмотрел себя. Серые штаны из тяжёлой плотной ткани, с которых струями текла вода, такая же куртка и под ней рубашка неопрятного серого цвета. На шее мокрая красная тряпка – видимо, пионерский галстук, схваченный белёсым, потертым до латуни зажимом с изображённым на нём костром.

– Белов? – прозвучало откуда-то сверху.

Подняв голову, Александр увидел молодого горбоносого мужчину в таких же серых штанах, но в рубашке-косоворотке и небольшой тубетейке на голове.

– Почему ты мокрый?

– Это Гаршин с дружками его связали и бросили в воду! – выкрикнула Лера и шагнула так, чтобы заслонить Александра.

– Вечно твои фантазии, Конева... – Мужчина нахмурился. – Пионеры не врут! А тебя уже сколько раз...

– Вы бы лучше приглядывали за своими урлоидами, товарищ Шпильрейн, – спокойно произнёс Ладыгин-Белов, которому тут же вспомнилась фамилия воспитателя, и мягко отстранил девочку, скользнув вперёд. – Сегодня я последний раз позволил этим мразям прикоснуться к себе. Ещё одна попытка – и будет четыре трупа. Доступно объяснил?

– Ты у меня, Белов, в домзак² улетишь, по статье «угроза убийством», – лениво произнёс воспитатель, оглядываясь кругом. – Этап, баланда, то-сё.

– Это будет потом, если будет... – Бывший полковник ощерился в волчьей усмешке. – А трупы будут сейчас. Трупы, расследование, неудобные вопросы: как это воспитатель, комсомолец допустил такое в порученной ему группе? И соответствующая запись в вашей биографии... хотя этим дело, я думаю, не ограничится. Так что баланда в домзаке – ваша перспектива, на сто процентов. Меня-то – в колонию, систему товарища Макаренко на практике изучать да фотоаппараты делать, а вот вас... Вас, товарищ Шпильрейн, энкавэдэ за такие художества точно прихватит, – Александр с усмешкой оглядел полноватую фигуру воспитателя. – Ваша-то задница для прихвата куда как удобнее...

Воспитатель побагровел, постоял какое-то время, сверкая глазами, но, не сказав ни слова, повернулся и ушёл.

– Странный ты какой-то, Белов. – Лера пристально посмотрела на друга. – Даже выражение лица какое-то...

– Какое? – машинально спросил Александр.

– Жёсткое. Словно у дяди Ляо, – девочка поправила волосы, сбившиеся на глаза.

– Ясно... – Александр начал стаскивать мокрую одежду и развешивать её на куст, росший у самого берега. – Спички есть?

– У тебя точно что-то с головой... – Лера нахмурилась. – Нет, конечно, и не было никогда.

– А зря, кстати, – Александр хмыкнул. – Полезнейшая вещь. И костёр разжечь, и пожар устроить... – Он зажал высушенные жарким весенним солнцем щепки в руках и начал быстро тереть друг об друга. Через пару минут из-под деревяшки потёк тонкий сизый дымок, а ещё через пять минут небольшой костерок уже весело хрустел валявшимися на берегу корягами.

– Ловко, – одобрительно оценила девочка розжиг костра. – Ты мне не говорил, что так умеешь.

² Одно из милых проявлений «новояза» в 20-30-е годы в СССР. Слово «тюрьма» не применялось, так как считалось, что тюрьмы – принадлежность буржуазного строя, поэтому использовалось определение «дом заключения», сокращенно – «домзак».

Александр, лежавший на песке и незаметно ревизовавший организм, доставшийся ему от канувшего в пустоту Александра Белова, четырнадцати лет, сына антифашистов-спартаковцев, погибших в Германии, и принятого на попечение Советской республикой, лишь кивнул:

– Невелика наука.

– Слушай, давай я с девчонками договорюсь, у нас в корпусе переночуешь. А то эти ведь точно не успокоятся.

– Знаешь, почему нельзя бегать от снайпера?

– От кого?

– Ну... от меткого стрелка...

– Э-э... почему?

– Умрёшь уставшим, – лениво сказал Александр, переворачиваясь на живот. – Всё равно приползут. А прятаться у девчонок это как-то не комильфо.

– Не замечала я в тебе любви к французскому.

– *Tout utilisé pour la première fois*³, – машинально ответил Александр и посмотрел на солнце. – Сегодня у нас...

– Двадцать седьмое мая.

– Двадцать седьмое... – Он кивнул. – Значит, ещё часов восемь светлого времени. Нормально. Всё высохнет через пару часов, и пойдём.

– На обед опоздаем.

– Добудем чего-нибудь на кухне, – отмахнулся Александр.

– Клавсанна будет ругаться...

Память настоящего Белова услужливо вызвала образ огромной женщины, саженого роста и гигантских форм, с ярким румяным лицом и мощными кулачищами. Она неплохо относилась к воспитанникам, но воровства на кухне не терпела, и многим, в том числе и Белову, не раз попадало мокрой тряпкой. Воспоминания об этой тряпке были особенно яркими...

– А мы ей не скажем... – Тут память подбросила новые воспоминания, и Сашка добавил: – Или выпросим чего-нибудь...

Результаты ревизии были не блестящими. Тело прошлый хозяин не то чтобы запустил. Нет, следы физподготовки явно наличествовали. Но вот с координацией всё было плохо. Хотя плохо это по меркам его *тогдашней* подготовки. Для этого времени, а год шёл... Трудно сказать, но... О! Вон на пляже плакат, с годом... Тридцать четвертый? Сойдет...

Так вот для этого времени Саша был развит очень даже прилично. Можно сказать даже, что не по годам развит. Стройный, жилистый и без капли жира под загорелой кожей. Впрочем, в эти времена толстые дети в Стране Советов были большой редкостью. Мускулы?... Ну, в общем, имеются, но вот справится ли это тело с тремя-четырьмя противниками – ещё вопрос. Хотя...

Он задумался в поисках решения, и память мальчишки подсказала ему, что в детском доме была неплохая мастерская, за которой присматривал старый мастер, которого все называли Ляо. И там наверняка можно было раздобыть всё, что нужно, и даже сверху.

– Так и будем молчать? – подала голос девочка.

– Есть предложения? – Александр, лежавший на мягком речном песке, повернулся в сторону Леры, внимательно окинул взглядом её по-детски нескладную фигуру и лицо, отметив про себя, что лет через десять девочка расцветёт и станет настоящей красавицей. Но чувств к ней не было вообще никаких. Даже спортивного интереса.

– Ну, раньше ты был как-то разговорчивее.

³ Всё когда-то впервые (*фр.*).

– Раньше не сейчас, – Александр вздохнул. – Но если тебе непременно нужно что-то говорить, можешь рассказать чего-нибудь.

– Нет, ты сегодня какой-то не такой, – Лера покачала головой. – Тебя по голове не били?

– Нет вроде, – Александр улыбнулся. – Чуть не притопили, как котёнка, а так – всё нормально. Ты давай, иди, а я позже подойду. Мне ещё подумать нужно. Кстати, можешь для меня порцию заначить, чтобы не пришлось устраивать экспроприацию на кухне и доводить Клавсанну до инфаркта.

– До швабры её скорее доведёшь! – Фыркнула девочка и поднялась на ноги. – Только не влипай никуда.

– Oui, mon general!⁴ – Александр не вставая отсалютовал подруге и, дождавшись, когда она уйдёт, снова перевернулся на спину и закрыл глаза.

Старик не соврал, и память предыдущего владельца тела была в порядке, хотя и лишена всякой эмоциональной окраски.

Родители, выглядевшие словно на чёрно-белом снимке, их смерть от рук нацистов, о которой Белов узнал только от друзей семьи. Пароход до Ленинграда, и долгих пять лет бродяжничества по городам и весям России, всё выглядело достаточно подробно, но спокойно и бесцветно, будто перегоревший костёр.

Детский дом, в который попал Александр, находился на берегу Волги в старинной усадьбе, не сохранившей имён владельцев, а лишь затейливую монограмму на воротах. Зато сохранился большой парк с пересохшими ныне фонтанами, и пруд глубиной всего в метр.

Революция и гражданская война почти обошли стороной дворянское гнездо, и когда сюда пришли новые хозяева, почти ничего не пришлось переделывать. В правом крыле усадьбы находились комнаты воспитанников, а в левом жили воспитанницы. Воспитатели и работники дома обжили два флигеля, стоявших чуть в стороне, а директор жил в главном здании, занимая комнаты, где раньше жили хозяева особняка.

Тёзка Александра попал в этот детский дом после облавы на Казанском вокзале. Здесь одевали, кормили и учили, и если бы не группа юных подонков, прихвативших власть при попустительстве воспитателей, жизнь можно было бы назвать безоблачной.

Александр легко вскочил на ноги и оглянулся. Наблюдатели ему сейчас были совсем не нужны.

Начав с лёгкой разминки, он постепенно вошёл в динамическую медитацию «падающего листа». На удивление, голова и тело довольно быстро синхронизировались, и уже не было раздражающего вихляния конечностей, и не требовалось контролировать каждый миллиметр движения.

Зато ничего не болело, не тянуло и не стреляло, словом – всего того, чем грешила его старая оболочка.

Поработав ещё с дистанцией и координацией, он удовлетворённо кивнул и подошёл к одежде, висевшей на ветках. На тёплом ветру вещи практически высохли, и их уже можно было надевать.

В карманах неожиданно обнаружился швейцарский перочинный ножик, отличавшийся от привычных Ладыгину только костяными накладками на щечках рукояти, и самодельная свинчатка. Оглядев неуклюже сляпанную свинцовую дуру и покачав ее на ладони, Александр резким движением забросил ее в воду. Бессмысленная вещь, которая при случае может оказаться совсем нежелательной уликой...

Внезапно он залюбовался на роскошный вид, раскинувшийся вокруг. По небу бежали облака, отражаясь в серой, отливающей серебром воде. Золотящиеся песчаные пляжики просто-таки надрывались, приглашая выкупаться. И где-то далеко-далеко, утопая в зелени про-

⁴ Слушаюсь, мой генерал (*фр.*).

тивоположного берега, вставал дымок паровоза. Все это благолепие каким-то удивительным образом наложилось на состояние молодости и здоровья, и Александр как-то по-особенному гикнул, наслаждаясь радостью свободы и простоты. Клич его эхом разнёсся над Волгой, да так, что даже небольшой пароходик, упорно вспарывавший водную гладь, загудел в ответ.

Всего в детском доме было около двухсот тридцати детей разных возрастов, и когда Александр подошёл к усадьбе, все они находились на уроках. Он притормозил, вспоминая, куда ему идти, но из окна второго этажа махнули рукой.

– Белов! Come here!⁵

Взбежав по широкой лестнице мимо бюста Ленина и портретов руководителей Советского государства, он постучался в высокие двери учебного класса и приоткрыл скрипучую створку.

– May I come in?⁶

– Так... – Преподавательница английского, Зинаида Михайловна Герц, неторопливо сняла очки в толстой роговой оправе и, прищурившись, посмотрела на своего ученика. – Белов решил сегодня удивить меня до глубины души... – И, перейдя на английский, продолжила: – And tell me, Belov, where have you been during thaw hole lesson?⁷

– I have been swimming... – Александр развёл руками. – Out of my will⁸.

– Well done!⁹ – Учительница кивнула, непонятно что имея в виду. То ли купание, то ли английский язык ученика. Она снова надела очки. – Well, and now tell us a poem which I set for homework yesterday¹⁰.

Скосив взгляд на учебник девочки на передней парте, Саша увидел лишь заголовок «Джеймс Джойс».

– I don't like Joyce. If you allow me, I will read an excerpt from Wilde's "The Ballad of Reading Gaol"¹¹.

– Изволь, – от удивления у учительницы запотели стёкла очков, а по классу прокатилась волна приглушённого шума. – Let's try¹²...

Some kill their love when they are young,
And some when they are old;
Some strangle with the hands of Lust,
Some with the hands of Gold:
The kindest use a knife, because
The dead so soon grow cold.

Some love too little, some too long,
Some sell, and others buy;
Some do the deed with many tears,
And some without a sigh:
For each man kills the thing he loves,

⁵ Иди сюда (англ.).

⁶ Можно войти? (англ.)

⁷ И скажите мне, где вы, Белов, потерялись во время урока?

⁸ Я плавал. И не по своей воле.

⁹ Отлично!

¹⁰ Ну, а теперь, расскажите нам стихотворение, которое я задала вчера.

¹¹ Мне не нравится Джойс. Если вы позволите, я буду читать отрывок из Уайльда «Баллада о Реддингской тюрьме» (англ.).

¹² Попробуй (англ.).

Yet each man does not die.

He does not die a death of shame
On a day of dark disgrace,
Nor have a noose about his neck,
Nor a cloth upon his face,
Nor drop feet foremost through the floor
In to an empty space...

– Enough! – Учительница снова сняла очки и провела рукой по голове, словно приглаживая вставшие дыбом волосы. – Take your sit.

– I do not ask you how do you know Wilde, I do not ask where have you got Oxford pronunciation. But, by Jingo! Why have you been fooling around on my lessons for so long?¹³

– This was a game, Zinaida Michailovna, – ответил Александр. – And it's ended¹⁴.

Остаток урока Александр досидел, погрузившись в полумедитативное состояние. Когда задрезжал хриплый школьный звонок и толпа ринулась на выход, перед ним на стол брякнулась потёртая холщовая сумка, похожая на противогазную.

– Забирай своё хозяйство, Белов! – Возмущённая Лера кипела, словно чайник. – Это ж надо – мне он с английским помогать отказался, а перед классом тут выпендривается! Только подойди ещё с чем-нибудь! И спасти тебя не буду!

В сумке лежали учебники, несколько тетрадей, простенький деревянный пенал и фаянсовая чернильница-непроливайка в тряпичном мешочке. Александр взял пенал, вынул из него ручку и уставился на нее в глубокой задумчивости. Любуясь этим дивами дивными – ручкой и чернильницей, какие он видел только в детстве, на почте, и пользоваться которыми он не умел в принципе, Александр почти пропустил подход высокого мужиковатого подростка в рубашке навыпуск, подпоясанного алым шнурком.

– Да ты живучий, Беяк... – Он глумливо улыбнулся и, оперевшись на парту, наклонился вперёд. – А может, у тебя несколько жизней, как у кошки? Надо будет тебя в следующий раз к рельсе привязать.

Не раздумывая ни секунды, Александр несколько раз с хрустом воткнул перо в руку парня, а потом, поймав шею ладонью, шмякнул лицом об стол, размозжив нос в лепёшку.

Воющий от боли подросток завалился спиной на парты и, круша мебель, начал кататься по полу. А Александр, аккуратно вытерев со стола кровь промокашкой, вытащил искорёженное перо, вставил новое и, распаковав чернильницу, осторожно макнул кончик пера в фиолетовую жижу.

Моторных навыков предыдущий владелец тела не оставил, да и ни к чему это было. Точный глазомер, опыт и тридцать лет занятий боевыми искусствами бывшего полковника могли справиться и не с такой проблемой.

Писать чернильной ручкой оказалось неожиданно забавно. Перо должно было скользить, едва задевая поверхность, но не прижиматься к ней, потому что тогда острый металл сразу начинал рвать бумагу и оставлять кляксы.

Забежавшие на шум воспитанники увели пострадавшего, стали ставить парты и поднимать с пола разбросанные вещи, а перед Александром нарисовался новый визитёр.

– Не перегнул?

¹³ Я не спрашиваю, откуда вы знаете Уайльда, я не спрашиваю, где вы получили оксфордское произношение. Но почему, черт возьми, вы так долго валяли дурака на моих уроках? (англ.)

¹⁴ Это игра, Зинаида Михайловна, и она закончилась (англ.).

Словно строчки из досье всплыло: «Николай Борцев, “Борец”, заводила в компании комсомольцев».

– Тебя связанного бросали в реку? – вопросом на вопрос ответил Александр. – Если ещё раз подойдёт, будет жалеть до конца жизни. До весьма скорого конца...

– Странный ты, Беляк. То терпел всё это время, вроде как и драться не умел, а теперь вдруг – здарсьте вам! – начал всех плющить... – Борцев-Борец внимательно посмотрел на Сашу. – Что-то случилось?

– Да вот то и случилось... – Александр, наконец, закончил рисунок пером и поднял глаза. – Борец, они ведь не шутили. Они меня и вправду убить хотели. Я и выжил-то случайно. А теперь – всё. Игра закончилась, и начинается жизнь. А в жизни я и не таких активировал...

Белов улыбнулся, и от этой улыбки у комсомольского заводилы на голове зашевелились волосы. Он тряхнул головой, точно отгоняя от себя страшное видение, и провел рукой по лицу.

После визита Борца к Александру больше никто не приставал, и начался следующий урок. Литературу, тем более русскую, он любил, но преподавательница, всё та же Зинаида Михайловна, уже ни о чём его не спрашивала, так что весь урок Александр спокойно практиковался в каллиграфии, выводя на задней странице тетради замысловатые завитки и наброски лиц сидевших рядом школьников.

Последним уроком была физкультура, именовавшаяся «гимнастикой». Физическому воспитанию в советской школе вообще уделялось очень много внимания. Стране, окруженной врагами, были нужны солдаты, а физическая подготовка – основа основ военного дела первой половины двадцатого столетия.

Переодевшись в раздевалке в трусы и майки, воспитанники выбежали в школьный двор, где под руководством бывшего циркового борца приступили к занятиям. В основном это были бег и занятия на гимнастических снарядах.

После десятка кругов по залу в переменном темпе со спуртами и доброго десятка подтягиваний Александр почувствовал, что утомился, и присел на скамейку. Рядом тут же плюхнулась Лера. Девочка вопросительно заглянула ему прямо в глаза:

– Саша, а ты ничего мне не хочешь сказать?

– Лера... – Александр спокойно выдержал пронзительный взгляд девочки, не отводя глаз, – мы с тобой не муж и жена. Мы даже не брат и сестра, а ты плющишь мне мозг, словно тебе за это доплачивают. Успокойся. Вон, физрук на нас уже смотрит недобро. Наверняка придумал какую-нибудь гадость.

– Белов! – Преподаватель физкультуры подошёл ближе. – На драки, значит, у нас сил хватает, а на физкультуру нет?

– Так потратил все силы на драку, Виктор Афанасьевич, – Александр нейтрально улыбнулся. – Зато пришла в голову интересная мысль. Отчего это все хулиганы нашей школы занимаются у вас в секции? Может, сразу ввести в курс обучения тюремную феню и игры с ножичком? Пригодится ведь?

Бывший цирковой борец покраснел так, что от него, наверное, можно было прикурить сигарету. Но сдержавшись и не ответив ни слова, молча повернулся и ушёл.

Валерия, приоткрыв от удивления рот, смотрела ему вслед, потом снова повернулась к Сашке:

– Зря ты так. Викаф нормальный. Он просто...

Белов резко, почти зло оборвал ее:

– Мне с его нормы ни холодно, ни жарко, но вот с его учениками, боюсь, разбираться придётся. И кому мне сказать спасибо, что шпана знает какие-никакие, но всё ж приёмы

борьбы? Не может сам фильтровать состав, пусть лучше вообще не учит! – проворчал Александр и встал. – Ладно... Пробежусь ещё пару кругов и на ужин...

Кормили в детском доме небогато, но сытно. На ужин была пшенная каша и настоящая свиная котлета. С косточкой! Довольно приличная порция ухнула в детский желудок, словно в колодец, и, запивая еду сладким компотом, Саша обдумывал своё дальнейшее житьё.

Словно в сказке, он попал в прошлое. Он теперь точно смотрит в задачник, зная ответы в конце учебника. Можно многое решить проще и легче, можно многое изменить, вот только как?

Чтобы менять что-то, нужно иметь возможность это изменять. А какие у него возможности? Откровенно говоря – никаких... То есть абсолютно! Ну, предположим, он знает, когда начнется война и как она будет идти, а толку? Кому об этом рассказать? Кто может помочь всё исправить?

Сталин? К Сталину ему, конечно же, не попасть. Он не нарком, не знаменитость. Да и вообще он пока никто. А до войны, унесшей жизни больше двадцати миллионов человек, осталось не так уж много времени. Тридцать четвёртый год. Ещё не грохнуло в Испании, только-только прорвался к большой власти Гитлер.

«Вот бы кого завалить», – мечтательно подумал Саша и, собрав посуду, отнёс её на мойку, где сегодня дежурили ребята из параллельного класса.

Теперь следовало озаботиться оружием, и в поисках чего-то подручного он зашёл в мастерскую, где всем заправлял Куан Ляо, китаец, занесённый в Россию буйным революционным ветром. Кроме уроков труда, он ещё работал дворником и истопником, что в любом детском доме было нормой. Взрослые совмещали по две-три должности, так как лимиты Наркомпроса на количество сотрудников в детдомах были довольно жёсткими. Кроме того, детские дома вполне гласно курировал НКВД, и кто-то из преподавателей наверняка получал малую денежку за информирование этой уважаемой организации о происходящем на подведомственной ему территории.

В этот час в мастерской работал кружок авиамоделизма, и пионеры собирали несколько планеров и один резиномоторный самолёт для участия в районных соревнованиях. Посмотрев с порога, как дети трудятся, покрывая обклеенные рисовой бумагой плоскости столярным лаком, Саша не выдержал и подошёл ближе.

– Тяжёлый же будет. И летать будет плохо. – Он приподнял модель. Почти килограмм уже, а плоскости ещё не покрыты.

– Тоже мне специалист, – буркнул парень, работавший с планером. – Давай сделай лучше, если такой умный.

Александр задумался, а затем уверенно сказал:

– Дуй в медпункт и попроси у Сансаныча коллодий. Только добудь не спиртовой, а эфирный раствор.

– И что это будет? – Беззвучно подошедший сзади китаец внимательно посмотрел на Александра.

– Тонкая плёнка. Прочность так себе, но для планера вполне хватит, – твёрдо ответил Саша.

Всё необходимое нашлось тут же, и, взяв малярную кисть, он начал наносить коллодий. Но сразу же прекратил: кисть не давала ровной пленки. Подумав пару минут, Сашка взял пару трубочек, смял концы, воткнул одну из них в широкую пробку, а вторую закрепил толстой проволокой под прямым углом. Примитивный пульверизатор был готов. Белов взял свое грубоватое, но вполне пригодное изделие, вставил пробку во флакончик с коллодием и подул во вторую трубку. Эфирный раствор легким облачком равномерно лег на крыло.

– Вот. Теперь, если не переборщить с толщиной покрытия, получится хорошая тоненькая плёночка. Летать будет что надо. Если профиль крыла, конечно, не подведет... – Алек-

сандр легко щёлкнул ногтем по модели. – Чем оно тоньше, длиннее и более гладкое, тем выше аэродинамическое качество и соответственно дальше полёт.

– Звучит разумно и логично... – Ляо кивнул. – Что ж ты раньше, такой умный, моделизмом не занимался?

– Это не важно, – Александр улыбнулся.

– А что важно?

– Две короткие палки из дуба, длиной в локоть, диаметром в три пальца. Дрель и кусок прочного шпагата. Лучше капронового.

– Какого?

– Э-э... Очень прочного. Типа такого, из которого парашютные стропы крутят.

– Хм-м... Ну пойдём... – Пожилой китаец отошёл к большому деревянному коробу, куда складывали разные заготовки и полуфабрикаты, не пошедшие в дело.

– Дуба нет, но вот хороший бук, – Ляо поднял толстую палку. – Сгодится?

– Бук тоже пойдёт.

Александр фуганком огранил брусок, затем ловко распилил ножовкой на куски нужной длины. Взял ручную дрель-трещотку, осмотрел зажатое в патроне сверло и вопросительно посмотрел на мастера.

– Чего еще?

– Шпагат. Надо определить диаметр требуемого отверстия.

Мастер поманил паренька к себе и вытащил из ящика свернутый кусок парашютной стропы.

– Хватит?

– Даже много... – Сашка оценил толщину стропы и попросил: – Можно сверло-восьмерку?

– Восьмерку? – Куан Ляо задумчиво поднял глаза к потолку и превратился в настоящее изваяние Будды.

Затем он перевел взгляд на Александра, посмотрел на него долгим, оценивающим взглядом, потом порылся в инструментальном ящике и протянул брезентовую сумочку-сверток.

– Выбирай.

Сашка развернул брезент, на глаз определил диаметр сверла, аккуратно зажал его в патрон и, аккуратно просверлив дырочки, принялся продергивать стропу.

– Зачем это тебе? – Куан, мгновенно узнавший нунчаку, поднял тяжёлый взгляд на воспитанника.

– У меня не сегодня-завтра беседа с почитателями моего таланта переговорщика, – с улыбкой пояснил Саша. – Дело в том, что своевременно посланные нахер никак не хотят двигаться добровольно, и кое-кого придётся подтолкнуть.

– Я надеюсь, трупов не будет? – спокойно поинтересовался Ляо.

– А это как получится, – ответил Саша. – Я ведь не Кама¹⁵.

Мастер снова оценивающе взглянул на паренька, подумал и негромко произнес:

– Надеюсь, что не Кали¹⁶...

Вернувшись в спальню, он первым делом внимательно осмотрел тумбочку, не нашел ничего интересного, сбросил парусиновые ботинки-тапочки и лёг прямо в одежде на одеяло, бездумно глядя в потолок.

¹⁵ Кама – богиня любви в индуизме.

¹⁶ В индуизме – одна из ипостасей Паравати, разрушительница, убийца демонов.

Постепенно спальню стали заполнять воспитанники дома. Кто-то возился с тетрадами, кто-то пришивал пуговицу, но вокруг Александра словно образовался вакуум. Никто не подходил и ничего не спрашивал, словно его и не было вовсе.

Через три часа в спальню вошел Виктор Афанасьевич и, объявив отбой, выключил свет.

Из-за того, что в коридоре горели лампы, а над дверью находилось световое окно, в спальне царил полумрак.

Негромко переговариваясь, воспитанники, утомлённые тяжёлым днём, постепенно затихали, и лишь Александр оставался в контролируемом трансе.

Вот скрипнула дверь, и шлёпающие шаги направились к кровати Сашки.

Он открыл глаза, и перед ним, словно кролик перед удавом, замер совсем ещё маленький мальчишка лет десяти.

– Тебя зовут, – прошептал он. – Эти...

– Где? – Александр сел на кровати и достал из-под подушки нунчаку.

– В парке, возле дальней беседки. – Мальчишка плотно сжал губы. – Ты не ходи. Они убить тебя хотят. Давай я позову Викафа?

– Не надо, малыш. – Александр неожиданно для себя встал перед мальчишкой на колени и слегка обнял угловатое тело. – Всё будет хорошо. – Рука прошла по торчащим во все стороны вихрам. – Ты самый крутой мужик в этой скотобаза. Иди к себе и никого не бойся. А будут обижать, я с ними разберусь. Хорошо?

Саша быстро надел обувь, спрятал нунчаку в рукав куртки и, кивнув на прощание малышу, вышел из спальни.

Насколько он разобрался в памяти того, прежнего Сашки, «дальняя беседка» находилась в самом углу парка – там, где тёк крошечный ручеёк, впадавший в Волгу, и проходила поржавевшая кованая ограда.

Двигаясь как можно тише, он прошёл весь парк и остановился в пятнадцати метрах от беседки, занятой местным криминалитетом.

На углу ограды горел калильный керосиновый фонарь, который довольно скупо освещал этот кусок парка, но постепенно глаза адаптировались, и Александр шагнул вперёд.

Глухарь, Сявка, Колесо, Червонец и Тик. Не было только Бори по кличке Ватман, который, кстати, совсем не был евреем, а всего лишь сыном водителя одесского трамвая, и в данный момент лечил свой нос в медицинском пункте, пугая случайно забредавших пионеров замотанной, словно кочан, головой. А предводитель всей компании Сявка-Параша или, как он себя сам называл, Сева-Лом, что-то негромко рассказывал друзьям, делая характерные движения руками, словно оглаживал женские прелести.

– Чего звали, Параша с опарашенными? Соскучились?

Лом – Сергей Гаршин, мгновенно ощерившийся, словно волчонок, прыгнул вперёд и полез куда-то за отворот куртки. Рука, скрывшаяся под одеждой почти по локоть, от точного удара едва слышно хрустнула, и нечеловеческий вой громко разнёсся по округе.

– Мочи его!

– Да! – азартно поддержал Александр, уже державший в руках нунчаку, поддержал главаря: – Мочи меня!

Скользкий шаг в сторону, и метнувшаяся, словно змея, деревяшка воткнулась в живот Глухого и на обратном движении рубанула в междуножие Червонца, отчего тот сразу остекленел глазами и без звука повалился на траву.

Тик и Колесо, вооружившиеся ножами, сунулись было к Белову, но тут же отскочили от бешеным пропеллером вращающихся нунчаку. Впрочем, им это не помогло: Тик получил удар по коленной чашечке и свалился, беззвучно открывая и закрывая рот, точно вытасканный на берег карась. Впрочем, его болевой шок был просто удачей, в сравнении с участью, постигшей Колесо.

Как Лом, лежавший на траве со сломанной рукой, смог вытащить револьвер, Александр так и не понял, но отшатнуться успел. Первая пуля прошла мимо, а второго шанса он давать не собирался, и со всей силой метнул нунчаку в стрелка.

Палки врезались торцом в горло малолетнего бандита, и рука, перед тем как нажать на спусковой крючок в последний раз, дёрнулась в сторону.

Колесо, получивший пулю в грудь, едва слышно всхлипнул и завалился на землю. Лом получил короткий добивающий удар в висок, и Белов оглядел поле боя. Побоища...

В сознании находились только Глухарь и Тик, так что Александр взял в оборот именно их.

– Давайте рассказывайте. Кто крышует, кто учит, кому на общак несете...

– Мы...

– Ну, ну, – палец Саши, твёрдый словно карандаш, воткнулся в точку на шее, и боль, скрутившая Глухаря, словно тряпку, сразу отступила. – Цигун, однако...

– Мы тебя, сука, на ремни...

– Правда? – Палец сместился немного ниже, и Глухарь просто взвыл от боли. – Говорить будешь?

– Да... – И малолетний подонок без утайки начал выкладывать все тайные расклады по детскому дому.

Как оказалось, главой неформальной мафии малолеток был Генрих Шпильрейн, поставивший кадры для тверского «Общества».

Допрос продлился немногим более пары минут, и когда Александр начал серию уточняющих вопросов, на поляну выскочил воспитатель Шпильрейн собственной персоной.

– А-а, Генрих Карлович, – Александр встал и, подхватив нунчаку, шагнул вперёд. – А ведь я, помнится, не далее как вчера просил вас следить за своими подонками.

Шпильрейн мгновенно понял ситуацию, молча вытащил из-за спины финку и, чуть пригнувшись, мягко шагнул в сторону.

– О! Ножевой бой, – Александр, внимательно следивший за противником, покачал головой. – И всё равно вынужден отказать. Ну никакого желания танцевать. Да и стойка у вас хреновенькая, и подготовка, скорее всего, на уровне Привоза... – Он ударил слева по опорной ноге, а нунчаку, перехваченная за плечом, без изысков хлестнула воспитателя в лоб, отчего тот молча завалился набок.

– Ну, вот, а теперь поговорим.

Кряхтя от натуги, Александр привалил воспитателя к молодому дубку и, перехватив руки за спиной его собственным ремнём, несильно ударил по щеке.

– Просыпайся, болезный. Пора облегчать душу.

– Сучонок, я ж тебя в пепел...

Александр с оттяжкой врубил по колену и, подумав секунду, ударил ещё раз уже по другой ноге.

– Гепеушник с-сучий! – Генрих задёргался, словно червяк на крючке, но ноги уже не слушались.

– Давай рассказывай. – Сашка перехватил нунчаку. – Откуда ты такой здесь взялся, кто тебя покрывает из Наркомпроса, кто из НКВД... Ну, в общем всё.

– Не боишься? – Генрих сплюнул, но в ответ лишь добился того, что Александр, достав из кармана перочинный нож, аккуратно взрезал штаны и, вытащив сморщенные причиндалы наружу, пошёл обыскивать лежавших рядом малолетних бандитов.

Искомое нашлось в карманах уже остывавшего Сявки и стонущего Тика. Спички в коробке из тонкого шпона и латунная зажигалка.

Когда огонёк зажигалки загорелся под гениталиями Генриха, тот, захлёбываясь от скорости, начал выкладывать всё, что знал о преступном сообществе Твери и покровителях в руководстве губернских органов власти.

– Ну вот, а ты боялся. – Саша обернулся и негромко произнёс в темноту: – Товарищ Ляо, выходите. Я вас, конечно, не вижу, но слышу и осязаю очень хорошо. И вас, Виктор Афанасьевич, тоже. Полагаю, сегодня больше ничего интересного не будет.

Куан Ляо, беззвучно ступая, вышел из-за дерева и приблизился:

– Всё-таки без трупов не обошёлся... – с осуждением произнёс он и, легко коснувшись лица Сергея Гаршина, прикрыл тому глаза. – Мальчишка, откуда тебе знать, какая это ценность – человеческая жизнь!

Ладыгин-Белов чуть было не сообщил тибетцу, что, выписав сопроводительные документы в ведомство Сатаны не одной сотне людей, можно научиться разбираться и в людях и в их ценности. Но сдержался и выпустил знания своего молодого двойника:

– Моих родителей убили фашисты. Думаете, я все еще не разбираюсь в том, что такое человеческая жизнь? Эти, кстати, тоже не с любовью сюда пришли. Они, между прочим, убивать меня пришли. Но не свезло им.

– Это точно, – Виктор Афанасьевич склонился над Шпильрейном и достал удостоверение с потертой, но все еще ясно читающейся аббревиатурой «НКВД СССР». – Давно я тебя выпасал, но вот взял тебя пацанёнок. И расколол тебя тоже он. Но ты не тушуйся. Завтра конвой прибудет, а уж в управе я с тобой поговорю за советскую власть.

– Да и я хотел бы... – Куан сунул руку в карман и достал небольшую зелёную книжицу с гербом СССР и надписью «Пролетарии, всех стран соединяйтесь».

– Нормально! – возмутился бывший борец. – А ОГПУ тут каким боком?

– Да был сигнал, что этот субчик повязан с белогвардейским подпольем.

– С подпольем вряд ли, – Александр качнул головой. – Не тот человек, чтобы в политику играть... А вот то, что он «осликом» для германского генштаба подрабатывает, вполне вероятно. – Саша склонился к связанному воспитателю и достал из кармана зажигалку и крутанул колесико, зажигая огонь. – Подтвердишь подозрения? Или мы тут будем нюхать твою яичницу?

– Будь ты проклят, гнида большевистская! – Шпильрейн безвольно опустил голову, уставясь куда-то в пространство.

– Можно спрашивать. – Александр кивнул. – Я пока отойду, чтобы не смущать вас видом моих ушей. Полюбуюсь природой.

Вид на Волгу из беседки действительно открывался роскошный. Чуть подсвеченная полной луной река сверкала серебряной дорожкой, которую пересекал пыхтящий чёрным облаком сухогруз.

Когда через сорок минут в беседку вошли оба сотрудника, Александр успел немного задремать.

– Как успехи?

– Тебе всё расскажи, – буркнул преподаватель физкультуры. Достав из кармана папиросы, прикурил и пустил плотную струю дыма вверх. – Значит, так, хлопчик. Здесь тебе оставаться нельзя. Это, надеюсь, ясно?

– Нет, – спокойно ответил Александр. – То есть мне, конечно, здесь нечего делать, но почему именно нельзя оставаться, ускользает от моего понимания.

– Говоришь, как мой директор цирка, земля ему пухом. Чтобы разговоров лишних не было, чтобы вообще всё тихо. Тела утром приберём, живых примет конвой, а тебя ждёт дорога в окружной центр¹⁷.

¹⁷ С 1929 и до 1935 года Калининская (Тверская) область (бывшая Тверская губерния) входила в состав Московской

– Лучше в Москву, – подал голос Ляо. – Я выпишу ему командировку и аттестат. Пусть покажется товарищу моему в столице. Хваткий юноша. От такого, если к делу вовремя не пристроить, много дыма поднимется.

– А товарищ в ОГПУ служить изволит? – Александр усмехнулся.

– А ты после всех своих художеств хочешь на станочника учиться? – удивился китайский мастер. – Ну, можно устроить в принципе... – Он пожал плечами.

– Да какой из меня станочник, – фыркнул Саша. – Только если снасть какую хитрую сделать.

– Топай спать, станочник, – Куан легонько подтолкнул мальчишку в сторону главного корпуса. Тот послушно отправился в заданном направлении и вскоре скрылся из виду.

– Хорошо идет, – глядя ему вслед, проговорил циркач-энкавэдэшник. – Ни хруста, ни шороха...

– Я уже ничему не удивляюсь, – Куан Ляо покачал головой. – Встретить перерождённого здесь... невероятно, невозможно...

– Ты это, товарищ, кончай свою контрреволюционную мистику. – Виктор Афанасьевич откинулся на спинку скамьи. – Малец как малец, только резкий и злой...

– Ну да, – насмешливо произнёс мастер. – Мальчишка вдруг укладывает пятерых вооружённых бандитов, а после вполне умело потрошит их. Ты сам-то в такое поверил бы?

– Я, дорогой товарищ Куан, в жизни такое видал, что ни одному попу не приснится... – Виктор Афанасьевич затоптал окурки и посмотрел на коллегу-конкурента. – Так что поверить могу во все, что своими глазами видел. Давай оформляй мальцу документы и заодно вызови конвой из ОкрУНКВД. А я этих голубей постерегу пока...

Корпус спал, но одна тень всё же мелькнула между колонн.

– Слава, выходи. – Александр остановился и подождал, пока мальчишка, предупредивший его о встрече, выйдет на свет фонаря. – Ты чего не спишь?

– Я это... вот...

Осторожно взяв за плечо, Александр вытащил руку, спрятанную за спину, и вынул из потной ладони примитивную заточку из большого гвоздя, всаженного в деревяшку.

– Ты был там?

Мальчишка только кивнул.

– И всё видел?

– Ты их... как Мишка – беляков... раскидал... – восхищённо произнёс Слава и посмотрел на Александра. – А я не успел.

– Какой-такой Мишка?

– Ну, Мишка из «Савур-могилы»¹⁸. Помнишь, прошлой зимой смотрели...

Этого фильма Ладыгин не помнил, но поверил в то, что некий Мишка и в самом деле лихо раскидывал беляков...

– Хотел мне помочь? – Саша взъерошил непослушные волосы. – Вот непоседа. Маленький, храбрый, боевой... – И мгновенно приняв решение, кивнул сам себе. – Значит, так, боец. Сейчас мне нужно срочно уезжать. Но если буду жив, я тебя отсюда вытащу. Будешь мне братом?

– Я... – Слава вытянулся словно по стойке смирно. – Я буду ждать...

– Сейчас беги спать, а заточку выбрось. Причем так, чтобы другие не нашли...

области на правах округа.

¹⁸ Художественный фильм, снятый в 1926 году. Был продолжением знаменитой ленты «Красные дьяволята», о приключениях ребят-разведчиков Первой Конной.

– Уже принимаешь служение? – усмехнулся Куан, ставший свидетелем разговора. – Это правильно.

Открыв своим ключом дверь в кабинет директора, уполномоченный О ГПУ связался по телефону с окружным управлением НКВД¹⁹ и, усадив Александра на мягкий стул, оставшийся от прежних хозяев, начал возиться с бумагами.

Через полчаса он выпрямился и отложил перо.

– Так. Твой аттестат, удостоверение личности и командировочное в Москву. Если пристанет патруль, показывай сразу вот это. – Китаец поднял командировочное удостоверение. – Там пара отметок стоит, так что должны отстать. Ещё возьми вот это. – Он показал запечатанный конверт. – Письмо к моему другу. Он работает на ЗиСе в особом отделе. Там вместе решите, куда тебя. Утром, когда придёт машина, доберёшься с ней в Калинин, ну в смысле – на вокзал, а дальше поездом в Москву. Всё понял?

– Так точно, товарищ...

– Просто товарищ Ляо, – китаец кивнул и пододвинул пачку документов по столу. – Ну всё... – Он посмотрел на большие карманные часы-луковицу, – Давай спать, а утром я тебя разбужу. Хотя... – Он задумался. – Устраивайся-ка лучше здесь, на диване. Туалет за той дверью, там же и рукомойник. Я тебя закрою, а в шесть будь готов как штык.

– Сесе лаоши. – Белов поклонился вздрогнувшему китайцу и, услышав, как щёлкает замок, стал устраиваться на ночь.

¹⁹ Как раз недавно ОГПУ вошла в аппарат НКВД.

2

ПО СЛЕДАМ ПИСЕМ

О Весъегонских перерожденцах и их покровителях

5 и 13 ноября 1933 года «Правда» направила Калининской окружной контрольной комиссии два письма газетного работника тов. Сосновского о крупных безобразиях в Весъегонской партийной и комсомольской организациях.

Калининская окружная контрольная комиссия «рекордно быстро», 26 апреля, прислала «Правде» ответ:

«В связи с письмом такого же содержания, как и письмо Сосновского, ранее присланным... тов. Яковлевым, выезжала специальная бригада окружной КК-РКИ... Изложенные факты не подтвердились.

Исходя из этого, мы считаем нецелесообразным производить проверку комсомольской организации, ибо считаем, что сделанные бригадой выводы вполне основательные и соответствуют действительности».

Что же оказалось на самом деле? Возьмем только факты, вскрытые комиссией по чистке. В протоколе чистки секретаря комсомольской организации Коровякова комиссия установила, что комсомольская ячейка в детском доме № 6 в Весъегонске в свое время совсем развалилась. В советской городской ячейке секретарем состоял беспартийный. Секретарь районного комитета комсомола Коровяков растратил комсомольские взносы и с другим членом бюро пьянствовал. Во время призыва в Красную Армию Коровяков дал положительные характеристики 15 кулацким сынкам. Когда началась чистка партийной организации, комсомольцы, как правило, не посещали собраний по чистке. Калининский окружной комитет комсомола исключил из комсомола Коровякова и члена бюро районного комитета Шпильрейна. Но секретарь районного комитета партии Фадеев всячески защищал Коровякова и не только не поставил вопроса о его пребывании в партии, но даже добился оставления его членом бюро районного партийного комитета.

За все эти художества Коровяков и Шпильрейн комиссией по чистке исключены из партии.

Подтвердились также и другие факты. Так, комиссией по чистке установлено, что ответственным за воспитательную работу в детском доме работал брат вычищенного Шпильрейна, который в 1919 году дезертировал из Красной Армии и поступил добровольцем в армию Колчака. Редактором районной газеты работал некий Купрашевич, который поручил кулаку Порсину руководить сельским отделом редакции. Районная газета в руках этих людей была орудием зажима самокритики.

Какова же цена «обследованию» бригады областной контрольной комиссии? Не ясно ли, что, прислав в «Правду» успокоительный ответ, руководители Калининской окружной контрольной комиссии замазывали вопиющие безобразия, творившиеся в Весъегонской комсомольской и партийной организациях?

Положение в Весъегонской партийной организации заслуживает серьезнейшего внимания Калининского окружного комитета партии. Участниками «бригады», обследовавшей по письмам Сосновского и Яковлева положение в Весъегонске и ответом окружной

контрольной комиссии должен также заинтересоваться Московский областной комитет партии.

«Правда», 5 июня 1934 г.

Конвой прибыл аж на двух машинах. Побитом жизнью и дорогами фордовским автобусе и такой же несвежей полуторке АМО. Милиционеры, вооружённые новыми мосинками, наганами и даже «трубой» – ручным пулеметом Льюиса, быстро погрузили четверых живых и завёрнутые в мешковину тела в автобус, и небольшой караван двинулся в путь.

Окружной центр не произвёл никакого впечатления на Александра. Пыльный грязноватый город, в котором, правда, было много зелени, но зато слишком мало настоящих «городских» домов. Разве что площадь Ленина, трамвай и большой железнодорожный мост через Волгу говорили о том, что это все-таки город. А так – деревня, разросшаяся до великанских размеров, и больше нет ничего. Вот разве что речной порт, гудевший порталными кранами и локомотивами, да с полдесятка каких-то заводов по окраинам, от которых были хорошо видны высокие дымовые трубы.

Денег ему выдали пять рублей, что по меркам того времени было для мальчишки целым капиталом, но в целом никак не могло удовлетворить растущий организм. Тем более что карточек у него не было, а коммерческие цены кусались, да так, что по сравнению с ними и нильский крокодил, и уссурийский тигр представляли сущими младенцами. Завтрака в детдоме Сашка не дождался, а потому, выйдя из Управления НКВД, где он аккуратно и чисто заполнил по просьбе Викафа протокол свидетельских показаний, двинулся в сторону колхозного рынка.

Интерес у него был самый практический: во-первых – поесть, потому как выданные сердобольными милиционерами кружка горячего чая и кусок ситника²⁰ это, конечно, хорошо, но мало; а во-вторых – найти человека, которого сдал Шпильрейн еще до прихода Ляо и Виктора Афанасьевича и которого он благоразумно «забыл» упомянуть в своих показаниях. А потому, купив на рубль большую порцию мороженого, чтобы хотя бы на время притупить чувство голода, Александр неторопливо шел туда, куда, по его наблюдениям, двигались домохозяйки и домработницы с пустыми кошелками.

В суতোлке рынка Сашка отыскал своего интересанта – мясника по кличке «Бугор». Генрих Карлович указал его как главного бандита Калининского округа, хотя и не знал, под кем тот ходил и кому отстёгивал. Совершенно точно не знал – Александр проверил...

Против всякой логики мясник отыскался почему-то в молочном ряду. Грызая прихваченное с прилавка зазевавшегося торговца яблоко, Белов внимательно разглядывал высокого и широкоплечего, словно культурист, мясника.

Густобородый Бугор, коротко хекая, рубил на колоде телячью тушу и, казалось, с головой ушел в работу. Но Александр не упустил из виду внимательные, осторожные взгляды, которые мясник бросал по сторонам. Кроме того, на левой руке «честного» работника топора и прилавка Сашка разглядел след от сведенной татуировки. В то время в России наколку можно было встретить только у моряка, причем настоящего, не речного, или у уголовника. А по виду и повадкам Бугра можно было уверенно утверждать: этот человек видел море только в кино. Если видел вообще...

Чтобы не привлекать лишнего внимания, Сашка купил кружку свежего и вкусного кваса, пару леденцов и совершенно не нужные ему полкило творога. Тем временем мясник закончил свою работу и, прихватив свой жуткий топор, двинулся по рынку. Александру пришлось работать на всю катушку, чтобы избежать лишнего внимания. Он менял темп ходьбы, надолго замирал в тени и использовал все уловки, известные ему со службы.

²⁰ *Ситник* – ситный хлеб. Хлеб, мука для которого просеивается через сито, и потому более качественный, чем хлеб обычный для того времени.

Периодически к Бугру словно бы невзначай подходили мутные личности, следовал мгновенный обмен какими-то свертками, и они снова исчезали в толпе. Сашка насчитал шестнадцать подобных встреч, но по Бугру было совершенно незаметно, чтобы у него прибавилось груза.

В целом конвейер работал безостановочно, и к тому времени, когда рынок закрылся на санитарную обработку, у мясника должно было скопиться довольно много пакетов. Но Бугор шел так, словно был налегке. Пройдя пару улиц, мужчина зашел во двор, и, судя по звукам, поднялся на второй этаж.

Ужом ввинтившись в узкий просвет между двумя домами напротив, Александр влез по стене бревенчатого здания на чердак и, просочившись к слуховому окну, занял позицию для наблюдения.

Ждать пришлось долго, даже очень. Улочка, а вернее – переулок, была малолюдной и тихой. Пробежала стайка мальчишек лет десяти-двенадцати на вид, куда-то торопливо прохромала сухонькая старушка. С видом хозяйским и спокойным заглянул в переулок молодой милиционер в белой гимнастерке, заставив шарахнуться от себя тощего сивобородого дьячка. Время тянулось, словно резиновое, на чердаке было жарко и душно. Очень хотелось пить. Тут-то и пригодился кислый, чуть влажный творог: он отлично утолил жажду и голод. Сашка лежал на своем месте неподвижно. Он умел ждать...

Уже стемнело, когда мясник, переодетый в более приличный костюм, вышел из дома и направился к речному порту. Сашка бесшумно спустился вниз и тенью последовал за ним.

Бугор шел твердой походкой уверенного в себе человека. Теперь он не озирался, а двигался быстро и целеустремленно. Он даже внешне слегка изменился: изрядно пополнил в талии. «Пояс с деньгами или ценностями, – размышлял Сашка, скользя за интересантом. – Вобщак понес...»

Мясник зашел в маленькую чайную, притулившуюся около самых дровяных причалов. Встав в тень веранды, Ладыгин видел, как Бугор «заправляется». Пара пива, солянка, жареная рыба, хлеб, чай. Ничего особенного: обычный ужин обычного рабочего человека после трудового дня. Вот только публика в чайной... Нет, на первый взгляд посетители в чайной ничем не отличались от людей в любом другом, подобном заведении, но только на первый взгляд. Тут почти не было людей в промасленных робах грузчиков или настоящих матросов, хотя бушлатов и тельняшек было предостаточно. Да и граммофон, хрипевший в уголке, распевал не «Марш красных авиаторов» и даже не «У самовара я и моя Маша...», а что-то эдакое, злобно-уголовное... Сашка прислушался:

Начинаются дни зо-о-олотые
Воровской, безоглядной любви-и-и...
Ой, вы кони мо-о-ои вороные,
Черны-вороны кони мои-и-и-и...

В этот момент вывалившийся из чайной человек чуть не налетел на притаившегося наблюдателя. Белов на мгновение увидел стеклянные глаза человека и мгновенно сообразил: «нарк». Марфетчик неуклюже замахнулся на мальчишку и тут же упал с перебитыми нунчаку ногами. Но несмотря на сломанные коленные суставы, он не закричал, не застонал, а с тупым упорством попытался схватить Сашку одной рукой. Другой он, дергаясь, точно был не живым человеком, а сломанным автоматом, полез к себе за пазуху. Александр подпрыгнул, уходя от захвата, и обрушил страшный удар на темя наркомана. Тот как-то жалобно всхлипнул и осел, растекся по земле.

Сашка сунул руку под кургузый пиджачишко марафетчика и тут же нащупал то, что и ожидал. Наружу появился вполне ухоженный наган с самовзводным курком, а пошарив еще, Сашка отыскал с десяток патронов, две ампулы с раствором морфия и металлический медицинский шприц, почему-то без иглы.

Более подробный досмотр провести не удалось: Бугор изволил окончить ужин и встал, подзывая подавальщика. Саша поднатужился, оттащил труп подальше в тень, затем замер, пропуская мясника, и последовал за ним. Но теперь Бугор осторожничал: трижды он резко останавливался, один раз внезапно поменял направление движения, а потом и вовсе вскочил на трамвай. Хорошо еще, что Александру в его нынешнем возрасте не зазорно было прокатиться на «колбасе» – задней части прицепа устройства. Правда, последние полкилометра пришлось пробежать за трамваем: бдительный постовой разразился оглушительной трелью, а потом прокричал что-то грозное, тряся кулаком. Связываться с рабоче-крестьянской милицией, имея под поллой курточки заряженный револьвер, в планы Саши не входило, так что он почел за благо выполнить законное требование и легко соскользнул с «колбасы» прочь.

После трамвая Бугор, видимо, успокоился, и теперь шагал уже спокойно. Дом, к которому мясник привел Сашу, выглядел каким-то покосившимся и неудобным. Но Белова это не смутило: уж он-то хорошо знал, какие хоромы могли скрываться за неприятельной внешностью. По многим приметам Александр распознал «малину» местного криминалитета и собрался.

Домик охраняли. Несколько молодых парней со снулыми, чуть дебильными лицами, бестолково слонялись вокруг, бездарно изображая празднующихся. Оценив их расположение, Саша перешел на другую сторону улочки, дождавшись удобного момента, нырнул в пышный куст давно отцветшей сирени и затаился, дожидаясь смены караула.

Организация воровской караульной службы приятно удивила и обрадовала бывшего полковника. Явившийся на смену «часовой» был один! Теперь оставалось только дожидаться ухода старой смены.

Стоявший на стрёме шпаненок-переросток даже не дёрнулся, когда ему в голову прилетела нунчаку, и плавно, словно в замедленной съёмке, стёк на землю. Александр оттащил тело в тень, быстро прошёлся по карманам и на секунду опешил, разглядывая трофеи.

Рядом с примитивным кастетом, небрежно выточенным на станке, оказался великолепный стилет, отлично сбалансированный, с фигурной рукоятью и бархатными ножнами. Разглядывая тонкое трехгранное лезвие, Саша разглядел клеймо миланского оружейника примерно шестнадцатого столетия. Как такое чудо, сделавшее бы честь любому музею, оказалось в корявых руках этого генного мусора? «Чудны дела Твои...» – задумчиво пробормотал Александр, упрятал стилет в рукав и двинулся к дому.

У дверей он остановился, несколькими упражнениями вогнал себя в боевое состояние... «Погнали!»

На первом этаже дома было относительно тихо, и лишь трое урок распивали какую-то белёсую мутную жижу из четвертной бутылки.

Словно молния, нунчаку прошла по головам бандитов, и все трое полегли, даже не успев потянуться за стволами. Контроль Саша делал теми же нунчаку, беря в захват и ломая шею. В карманах пьянчуг, кроме финок из дрянной стали и самодельного кистеня в виде гирьки на ремешке, отыскался потертый браунинг, который Сашка также прибрал себе, здраво рассудив, что невредно иметь пистолет с куда меньшим усилием на спусковом крючке, чем у нагана. Для его не слишком-то сильного детского тела это было важно.

На втором этаже играл патефон. В его шипении, хрипах и завываниях никто из сидевших в комнате не услышал, как весь этаж буквально вымер, превратившись в филиал морга.

Восемь тел, разной степени целостности, замерли уже навсегда, а виновник скоропостижной кончины бандитов приостановился перед дверью, за которой шла неспешная беседа.

Главари обсуждали какие-то свои дела, но практически ничего из сказанного Саша не понял. Какие-то клички, отсылки к известным собеседникам событиям и ругань властей. Поняв, что ничего интересного он не услышит, Александр вошёл в комнату.

– Кто хозяин дома?

– А ты, мил человек, каких будешь? – вежливо поинтересовался старик, сидевший в углу.

Вместо ответа Александр выстрелил в ногу его собеседнику, сидевшему рядом и тянувшему руку к поясу.

– Мне нужен один человек для обстоятельного разговора. Он будет жить, а остальные могут умереть.

– С-сучёнок, – упавший на пол мужик, в шелковой рубаше, широких штанах и начищенных до сизого блеска сапогах, сделал движение, которое Саша расценил как угрожающее, и наган поставил точку в ещё одной бессмысленной жизни.

– Пожалуй, я смогу ответить на ваши вопросы, – спокойно произнёс старик и прикрыл глаза.

Четыре выстрела, и мягкий звук падения тел.

Аарон Зигельбаум совсем не был дураком, и когда в комнату вошёл мальчишка с револьвером и пистолетом в руках, сразу оценил и походку, и то, как двигались стволы, отслеживая малейшее движение собравшихся. А ещё ему – уголовнику с сорокалетним стажем, побывавшему почти во всех крупных тюрьмах Российской империи и даже бежавшему с Сахалинской каторги, стало страшно. Он увидел перед собой не человека, а функцию. Чистого убийцу, для которого смерть есть просто не заслуживающий упоминания факт в биографии. Он знал душегубов, для которых жизнь человека не стоила ровным счетом ничего, но даже они хоть как-то реагировали на смерть себе подобных. А этот мальчишка с красным галстуком на шее убивал без эмоций вообще, словно строгал палочку или забивал гвозди. И Аарон, ничуть не кривя душой, тут же приговорил своих сообщников, надеясь, что его пронесёт и на этот раз.

Затянувшаяся тишина заставила его открыть глаза и оглядеться. Пули легли точно в сердце каждого урки, что лишний раз говорило о верности принятого решения. А перед ним стоял худощавый мальчишка в потертой серой одежде и пионерском галстуке на шее. Мальчишка с двумя пистолетами, остро пахнущими порохом. И с глазами палача...

– Что вас интересует? – спросил Зигельбаум, из всех сил надеясь, что мальчишка не заметит легкого подрагивания голоса.

Александр чуть улыбнулся, и Аарон понял, что мальчишка заметил. Коротко упало:

– Общак.

– Э-э-э... Весь?

Снова легкая тень улыбки.

– Зависит от вашей активности, гражданин?... – Александр вопросительно взглянул на старого урку.

– Аарон Зигельбаум, – старик подавил желание вскочить, справедливо рассудив, что резкие движения могут плохо отразиться на его здоровье, а потому поклонился сидя. – Аарон Мейерович Зигельбаум. – Он так боялся за свою жизнь, как не боялся никогда, даже на Сахалинской каторге, а потому быстро говорил, понимая, что пока говорит – живет... – В определенных кругах известен как «Бухгалтер», «Счетовод», «Казначей»... Прошу меня извинить: а что означает: «зависит от нашей активности»?

Не сводя с Зигельбаума внимательного взгляда, Александр спокойно ответил:

– Я не знаю размеров вашего общака. Если вы были настолько активны, что я не смогу унести весь – излишек веса останется вам, Счетовод. – И предваряя следующий вопрос, не отводя глаз, показал пальцем на стоявший у стены слегка потёртый фибровый чемодан. – Предельный объем, если брать бумажные деньги. Если вдруг у вас имеются золотые червонцы – разумеется, меньше.

– А вам хватит этого чемоданчика? – заботливо спросил Аарон Мейерович. – Ведь это не так уж и много. Да и особенно крупных купюр у нас нет, уж не посетуйте, молодой человек.

Он очень боялся, как бы этот малолетний убийца не решил, что и старый Зигельбаум «может умереть», а потому продолжал говорить все быстрее и быстрее, захлебываясь и перебивая сам себя:

– Собственно говоря, бумажек по двадцать пять червонцев у нас совсем немного... не ходовая бумажка, видите ли... да и по десять червонцев... хотя, конечно... вы позволите?..

Александр прервал этот словесный водопад:

– Надо будет ещё, зайду к кому-нибудь другому.

– Ох-ох-о, – Аарон, стараясь не смотреть на стволы, следившие за ним, подошёл к чемодану и, сметя со стола посуду, поставил его и открыл. – Страшно подумать, сколько грязи из-за такой мерзкой вещи, как деньги.

Примерно треть объёма чемодана была занята плотными связками купюр. Зигельбаум внимательно осмотрел каждую пачку, отбросил в сторону несколько, пояснив: «десятки». Кинув быстрый взгляд в ту сторону, куда упало отброшенное, Сашка убедился, что старый уголовник не соврал: на пачках действительно красовалась надпись «Один червонец».

Приговаривая: «Я, извините, только на секундочку», Аарон достал из-за портьеры небольшой ломик, поддел одну из половиц и вытащил наружу несколько железных коробок. Зигельбаум поставил их на стол и стал перегружать деньги из коробок в чемодан.

– Извините, молодой человек, вот тут бриллианты и золото – вам их класть?

– Нет, – чуть качнул головой Александр. – Оставьте...

– Понятно... Молодому человеку нужны именно деньги, значит, надо класть только деньги... Прошу... – Зигельбаум захлопнул чемодан и пододвинул его Александру.

– Спасибо. – Александр кивнул и, уже уходя, обернулся. – Надеюсь, вам не придёт в голову меня искать? В каком-то смысле я пообещал вам жизнь и совсем не намерен отказываться от своих слов.

– Да что вы?! – Аарон замахал руками и изобразил на лице негодование. – Я только рад, что познакомился с таким замечательным молодым человеком, как вы... Собственно говоря: зачем мне, старому человеку, столько денег? Это вот, – он пихнул ногой одного из лежащих на полу, – они. Глупые, жизнь знают только по рассказам... Они воображают... воображали, что можно просто вот так прийти к старому Аарону и сказать: «Уходи, теперь мы здесь главные». Просто смешно, ведь правда?..

Белов слегка кивнул:

– Я рад, что мы поняли друг друга. И раз уж пошла такая пьянка... Если у вас есть родственники на западной границе СССР, постарайтесь вывезти их до сорокового года. После такой возможности, скорее всего, не представится. Кстати, если вы мне понадобится – я вас найду. Вы не против?

Аарон кивал головой так часто, что казалось, будто его голова сейчас оторвется и улетит:

– Это будет очень приятно, если мне снова выпадет счастье встретить вас! Всегда прошу... Если только понадобится... Без всяких церемоний... – А когда он услышал, как заскрипела входная дверь, то тихо вздохнул и прошептал: – Еще большим счастьем будет не то, что никогда больше не видеть, а и вообще забыть...

Поезда через Калинин уже и тогда проходили довольно часто, но давка за билетами была знатная. Лишь у одного окошка людей почему-то не было. Белов повертел головой и обратился к солидному мужчине в защитном френче, который стоял в сторонке и курил папиросу с длинным мундштуком.

– Простите, а почему в эту кассу никого нет?

«Френч» окинул взглядом худого паренька с пионерским галстуком и, улыбнувшись, ответил:

– Так это на «Красную стрелу», товарищ пионер.

Александр задумался, но так и не понял ответа.

В прошлой жизни он раз десять ездил на «Красной стреле», но никогда не замечал, чтобы на этот поезд билеты продавались отдельно. Чем же этот поезд так не угодил жителям Калинина и его окрестностей?

Он состроил самую простодушную физиономию, какую только смог, и снова спросил курильщика:

– А что, никто не хочет ехать на «Красной стреле»? Почему, а, дяденька?

Обладатель френча усмехнулся, слегка наклонился к Саше и негромко произнес:

– Дорогие билеты, товарищ пионер. А там еще и табличка висит, видишь? Одни спальные остались...

Он хотел было потрепать мальчика по волосам, но его рука встретила пустоту: Белов рефлекторно перетек назад, отодвинувшись на десяток сантиметров.

– Ну что ты, товарищ, не бойся... – «Френч» покровительственно улыбнулся. – Что, очень в Москву надо?

Саша кивнул и опять спросил:

– А сколько они стоят? На «Красную стрелу»?

– Двадцать два рублика, да еще и пятнадцать копеек. Так что...

Обладатель френча не договорил и замер, уронив папиросу. Мальчишка с фанерным чемоданом подошел к кассе, протянул в окошко купюру в три червонца и попросил:

– Один. До Москвы. На сегодня.

И через минуту снова спросил:

– А нумерация вагонов «с головы» или «с хвоста»?

Третий секретарь Московского обкома ВКП(б)

Михаил Ефимович Михайлов – тот самый «френч», с удивлением разглядывал своего будущего попутчика. Мальчишка, который собирается ехать в Москву в спальном вагоне?! Абсурд, невозможно! Но он взял билет и вот собирается ехать. Загадка... А загадок Михаил Ефимович не любил. В первую очередь потому, что разгадывать их не умел...

Раздался гудок, ему ответил звон колокола на перроне. Саша посмотрел на вокзальные часы, а потом на наручные, которые он прихватил между делом у одного из покойных бандитов. Ну что ж, идут верно. Наверное, не врет надпись на циферблате «Брегет». Хотя от бандита всего можно было ожидать: и подделки, и хренового ухода за тонким механизмом. Антиударных часов вроде бы еще не изобрели²¹, а жизнь у этих отбросов общества лихая – и стукнуть могут, и в воде утопить, и намагнитить...

Однако трофей тикал точно. Александр удовлетворенно кивнул и, подхватив чемодан, двинулся к вагону.

Михаил Ефимович Михайлов исподволь наблюдал за странным пионером и чувствовал, что загадка не просто не отгадывается, а еще сильнее запутывается. Ну вот например:

²¹ Ладыгин и прав, и не прав: антиударный часовой механизм современного типа запатентован в 1933 году, так что его уже изобрели. Однако распространение подобные часы получают лишь в 40-х годах, во время и после Второй мировой.

«Красная стрела» подошла ровно минута в минуту, а для удивительного мальчика точность поезда вроде как и не в новинку. Да еще и часы на руке... Мало того что стоят они запрительно дорого – десять, а то и двадцать рублей, так еще и поди, достань! Гострест «Точмех» лишь карманные часы производит, да и те – только по железнодорожникам, красным командирам и морякам распределяются, а тут – наручные! Нет, у самого Михаила Ефимовича есть наручные часы, и очень даже неплохие – «Омега», но чтобы у мальчишки... Который к тому же берет билет на «Красную стрелу»!

Так как в Калинин в спальный вагон было продано всего два билета, не было ничего удивительного, что оба пассажира оказались в одном купе. Важный, усатый проводник помог Саше занести его чемодан и уложить его в ящик под полку.

– Почитать что-нибудь, товарищ пассажир? – поинтересовался он, не ожидая ответа, но к его удивлению, мальчик попросил свежие газеты.

– «Правда», «Известия» и «Ленинградская правда» у нас свежие, а вот московские, извините, вчерашние, – на всякий случай предупредил он, но мальчик только кивнул и сразу погрузился в чтение.

Михаил Ефимович тоже попросил «Правду», сто граммов и бутерброд с колбасой. Удивительный пионер, услышав заказ, поднял голову:

– А здесь можно поесть заказать?

– У нас буфет есть, – с достоинством ответил проводник. – Можем, например, пирожок организовать, товарищ пассажир, чайку там...

– Кофе у вас есть? – не дослушав, спросил странный мальчик. – Пожалуйста, две чашки черного кофе, покрепче, без сахара, потом... Минералка у вас есть?

– Нарзан.

– Бутылку нарзана, три бутерброда. Пирожки с чем?

Проводник посмотрел на пионера и более человечным тоном произнес:

– С яблоками и с малиной. А еще можно сосиски с горошком разогреть... – И на всякий случай пояснил: – Сосиски – это такие колбаски маленькие. Вкусные, горячие. Ты, товарищ, в своем детдоме таких и не пробовал никогда. Эдакое диво не во всяком ресторане подают. Вот разве...

Михаил Ефимович заметил, что пионер собрался было прервать проводника в самом начале его оды сосискам, но услышав про детдом, передумал и лишь сказал коротко:

– Давайте. Сколько всего с меня?

Заказанный ужин стоил три рубля двадцать семь копеек. Саша вынул из кармана курточки пять рублей, полученных на сдачу в кассе, и снова углубился в чтение. А Михайлов продолжал поглядывать на него из-за газеты. Мальчишка как мальчишка. Лицо правильное, словно с плаката, взгляд острый, не зашуганный. Интересно, а с чего проводник решил, что парнишка – приютский? Михаил Ефимович одним махом осушил принесенные сто грамм, зажевал бутербродом, а проводник в это время расставлял на столике в купе бутылку с нарзаном, стакан, чашку с кофе, стеклянную горчичницу с блестящей крышкой...

Пионер, не поморщившись, единым духом выпил чуть не полчашки кофе и принялся за бутерброды. Ел он жадно, словно бы не разбирая вкуса, при этом не отрываясь от газет. «А быстро же, чертяка, читает, – подумал Михайлов. – Вон, Столичную “Правду” уже осилил – за “Ленинградку” принялся...»

Проводник тем временем принес еще одну чашку кофе, поинтересовался, когда подавать сосиски, высыпал на стол сдачу мелочью и вышел из купе. Михайлов поторопился за ним:

– Послушайте, товарищ...

– Да? – обернулся проводник.

– Мне еще сто грамм с бутербродом, стакан чаю и... Вот еще что. Почему вы, товарищ проводник, решили, что пионер – из приюта?

Проводник улыбнулся и разглядел роскошные буденновские усы.

– Так чего же удивительного, товарищ? Вы посмотрите, как одет-то? Все ж казенное. Так только в детских домах одевают... – Тут он чуть наклонился и, понизив голос, посоветовал: – Вы только не вздумайте его «приютским» назвать. Они этого не любят. Шибко не любят.

– Но к кому может ехать такой парень?

– Значит, признал его папанька, а может, нашёл. В гражданскую сколько семей разошлось – концов не найти. А вот часики у него интересные, да и денежка есть. Значит, не простой человек у него в Москве-то... Нажалуется такой архаровец своему отцу, или кто у него там в Москве – взгреют. Решительно заявляю: взгреют...

Михаил Ефимович вернулся в купе, сел на свою полку и задумался. С одной стороны, проводник – прав. Одежда у мальчика какая-то... Серая, мышастого цвета курточка, такие же штаны, на ногах – парусиновые ботинки, из тех, что никто не купит, кроме как от крайней стесненности средств. С другой – он наконец разглядел часы на руке, да еще какие! «Брегет», которые его, привезенной из Германии «Омеги» стоят раза в три дороже. Если не в четыре. Билет на «Красную стрелу» взял, завтрак себе чуть не царский заказал...

«Да ведь он – просто вор! – мелькнуло в голове у Михайлова. – Украл где-то деньги, часы и дал деру из своего приюта... тьфу ты! – детского дома». Вот и решение загадки! Михаил Ефимович снова поторопился к проводнику и, предъявив документы, велел вызвать милицию на вокзале.

– Пусть этого субчика прямо на вокзале примут! – закончил он и страшно довольный собой вернулся в купе, проигнорировав сочувственный взгляд железнодорожника. Остаток пути он сидел спокойно, предвкушая, как на вокзале милиционеры арестуют этого пионера, отберут у него ворованные часы и деньги, да и вообще... За этими приятными мыслями он задремал...

Приходила «Красная стрела» уже около полудня, так что Александр на всякий случай выпил еще одну, третью чашку кофе, чтобы не оказаться по прибытии в Москву очумевшей совой. На вокзале поспать не удалось, а сидеть в вокзальном ресторане тоже было не с руки.

Он давно заметил нездоровой интерес «френча» к своей персоне, но не слишком волновался. Белов рассудил, что документы на бланках ОГПУ, с печатью и подписью одного из особо уполномоченных округа, что было равно званию полковника, сработают так же, как в прежние-будущие времена действовал на милицию и полицейских спецпропуск-«вездеход», носивший в определенных кругах несколько грубоватое, но в общем верное название «Иди на х...!»). В крайнем случае Ляо должен был выручить. Ведь не активировать же родную советскую милицию прямо на вокзале? Убивать своих – вообще дурной тон, а уж делать это по столь мелкому поводу совсем глупо.

А потому Саша спокойно доел поздний ужин или ранний завтрак, прочитал все газеты и даже успел полюбоваться пейзажами, неторопливо мелькавшими за окном.

Относительно реакции милиционеров он не ошибся. Не успел поезд полностью остановиться, как в купе без стука вошли двое милиционеров в фетровых шлемах с большими красными звездами. Один из них бесцеремонно ухватил Сашу за плечо:

– Документы!

Белов не торопясь достал командировку и временное удостоверение, выписанные Куан Ляо:

– Прошу, – и не удержался, чтобы не поёрничать: – А что, милиционерам представляться уже необязательно? Что-то я про такой приказ по комиссариату не слышал...

Второй милиционер, своим шлемом живо напомнивший Сашке британского «бобби», сурово посмотрел на мальчика:

– Поговори у меня, умник...

– Всенепременно, только запишу номер вашего знака. Думаю, что предметный разговор там, где надо, будет иметь должные последствия.

Милиционер побагровел и попытался было отодвинуть своего товарища, но тот уже увидел подпись и печать на предписании и, резко отпихнув напарника плечом, приложил руку к шлему:

– Извиняй, товарищ пионер. Служба... С транспортом до ЗиСа не помочь?

Белов помотал головой и вдруг, повинувшись какому-то странному чувству, показал глазами на своего попутчика.

Милиционер понимающе кивнул и, повернувшись к Михайлову, сурово произнес:

– И ваши документы, гражданин, – потянул носом и добавил еще суровее: – Что ж это вы: с утра пораньше, а уже «газуете»? Нехорошо...

Тот вскинулся:

– Да я!.. Я третий секретарь обкома!.. Я из командировки!..

– А командировочка у вас, товарищ третий секретарь, до какого числа? – елеинно поинтересовался второй. – До сегодня или до вчера?..

Одновременно с этими словами он пропустил Сашу с чемоданом, слегка похлопав его по плечу, как бы обозначая этим принадлежность к общим структурам. Окончания разговора милиционеров с «френчем» Белов дожидаться не стал и, кивнув на прощание проводнику, вышел в суету и толкотню вокзала.

3

В этот час на Октябрьском²² вокзале творилось сущее вавилонское столпотворение. Кричали мамыши, требуя, чтобы их чада не отходили далеко, вопили носильщики, предлагая свои услуги, звенели станционные колокола, гудели и свистели паровозы... Несмотря на все старания, пару раз Саше не удалось увернуться, и его довольно чувствительно толкнули в спину. А уж сколько раз обматерили...

Но все на свете имеет конец, и вот Белов уже стоял на площади, где возвышался закрытый дощатой обрешеткой павильон станции метрополитена. Жаль только, что до ввода его в строй оставалось еще около года...

Оглядевшись, Саша чуть было не пожалел о своем отказе от милицейской помощи. Приезжие с трех вокзалов брали приступом немногочисленные автобусы, а трамваи отъезжали, просто облепленные пассажирами со всех сторон. Люди висели на подножках, на сцепках сидели по двое-трое, а некоторые умудрялись цепляться даже за окна.

Там же, где в Сашином прошлом-будущем гуртовались таксисты и частники, в тридцать четвертом стояли два автомобиля и с десятков извозчичьих пролеток. Александр направился было к ним, но вовремя спохватился: его возраст и одежда явно говорят о неплатежеспособности, так что немногочисленные таксисты и извозчики пошлют его куда подальше. Если же показать им деньги – реакция подобных субъектов непредсказуема. Вдруг польстятся на «легкую добычу» в лице подростка. А лишнее активирование никому не нужно.

Внезапно Саше бросились в глаза большие буквы «МОСТОПГ». Огромный плакат призывал граждан покупать в «Мосторге» все, что требуется для счастливой советской жизни. Что ж, пожалуй, следовало воспользоваться этим заманчивым предложением...

Белов рассуждал просто: его внешний вид ну никак не соответствует внутреннему содержанию. В самом деле, в том странном инциденте в вагоне «Красной стрелы» отчасти виноват и он сам. Нечего было пробуждать к себе нездоровый интерес всяких «френчей» и прочих бдительных граждан столь явной разницей между объемом финансовых трат и прикидом «приютской крысы». А значит – вперед, к смене внешних атрибутов!

От вокзала он бойко дошагал до Красносельской улицы, слегка помахивая чемоданом. Нельзя сказать, что чемодан был такой уж легкий, но в планы Александра не входило всем и каждому показывать, что чемодан у детдомовца туго набит. Поэтому он старался, хотя рука уже начинала побаливать...

Подойдя к перекрестку, на котором находилась трамвайная остановка, Белов глубоко задумался. Москву он знал хорошо, но в своем времени, сто лет тому вперед. То есть в наличии метро, автобусы и троллейбусы, а не только одни трамваи. Вот как, например, добраться отсюда до ЦУМа? Спросить бы у кого-нибудь? Так ведь он даже не знает, как этот ЦУМ сейчас называется...

Откуда-то из глубин памяти вынырнуло непонятное словосочетание «Мюр и Мерлиз». Вроде бы так назывался ЦУМ до революции, но вот как он называется сейчас?..

– Извините, – обратился Саша к прилично, по-городскому одетой молодой женщине со значком КИМ²³ на груди. – Вы мне не подскажете, как до «Мюр и Мерлиза» добраться?

Та, оглядев Белова, улыбнулась хорошей, открытой улыбкой:

²² Будущий Ленинградский.

²³ Коммунистический Интернационал Молодежи – международная организация, в которую органически входил советский комсомол. Начиная с 1922 года комсомольские значки изготавливались в форме флага с надписью КИМ.

– Вот сейчас двадцать первый номер подойдет – сядешь на него и доедешь до Старой площади. Кондуктор объявит. А там пересядешь на...

– Спасибо вам большое, – прервал ее объяснения Саша. – От Старой площади я знаю, как пройти. Не маленький, дотопаю.

Женщина еще раз окинула его оценивающим взором, потом согласно кивнула:

– Дойдешь, если дорогу знаешь. Что, товарищ пионер: давно в Москве не был?

– Ну... Не то чтобы давно, просто вот тут, в районе... – Белов отчаянно пытался вспомнить, как в старые времена называли здешние места, но ничего не выходило.

– На Каланчевку не заходил? – удивилась женщина. – Что, даже в Сокольники не ездил?

То, что Сокольники в то время были одним из основных центров досуга молодежи, Александр знал и мысленно чертыхнулся за такой прокол. А впрочем...

– Да мне Сокольники особо и не нужны, – произнес он уверенно. – Мы возле Калужской заставы жили, так что у меня – Нескучный²⁴ под боком.

– Тогда конечно, – согласилась кимовка и легонько подтолкнула Сашу вперед. – Давай, товарищ. Вон твой трамвай подходит.

Белов легко вскочил на подножку, протянул кондуктору двугривенный, пояснил, что едет до Старой площади, и, получив билетки, прошел внутрь. Народу было на удивление немного, и Саша даже сел на место возле окна. Трамвай покотил к вокзалам, и вот там-то и началось то самое мамаево побоище, которое Александр наблюдал минут двадцать тому назад.

Вагон был уже переполнен, но люди все лезли и лезли. Казалось, что вот-вот, и кто-нибудь окажется сидящим или лежащим на головах у прочих пассажиров. И тут внимание Белова вдруг привлек молодой парень в косоворотке и какой-то удивительной плоской клетчатой кепке с «ушами» на манер шапки-ушанки. Дополняли это великолепие полосатые брюки, заправленные в начищенные до зеркала «хромачи»²⁵. Но Александра заинтересовал не этот несуразный наряд, а поведение его обладателя. Парень явно «работал». Скорее всего, это был карманник, но – чем черт не шутит? – мог оказаться и сотрудником УГРО, проводящим операцию по слежению или задержанию. Во всяком случае, для начала Саша решил проследить за непонятным объектом.

Следить с сидячего места было неудобно, а потому он встал и уступил место какой-то полной, крашеной тетке с объемистой сумищей в руках. Та буркнула: «Спасибочки» и грохнулась на сиденье, водружая свою ношу на колени. Что-то показалось Белову странным, а через секунду он уже понял – что. Сбоку сумки торчала какая-то тряпка. Из свежего разреза...

Корсет работал быстро и легко. В свои двадцать шесть он был уже опытным щипачём, причём одним из лучших в Москве. А сегодня он работал особенно красиво: с ним вместе был «васек»²⁶ – малец, еще не заслуживший собственной клички, который должен был принимать хабар и сносить его из вагона. Васек отзывался на имя Петька и мечтал когда-нибудь стать таким же, как он – Корсет, вор первой статьи.

Корсет уже взял приличный лопатник²⁷ у какого-то штымпа²⁸ в дорогом прикиде, парочку кошелеков у двух разинь, прихватил изрядную пачку купюр у толстой тетки, акку-

²⁴ Нескучный сад – одно из старейших мест отдыха москвичей. Примыкает к Центральному парку культуры и отдыха им. Горького.

²⁵ Разговорное название сапог из тонкой дорогой кожи хромовой выделки.

²⁶ Помощник карманного вора, отвлекающий внимание и принимающий добычу (*уголовное аргю*).

²⁷ Бумажник (*уголовное аргю*).

²⁸ Жертва вора (*уголовное аргю*).

ратно помыв²⁹ сумку, и собирался слить всё это ваську, когда вдруг перед ним возник невидный, тощий паренек с красным галстуком. Корсет не успел даже удивиться, когда паренек вдруг схватил его за руку, рванулся и коротко взмахнул другой, свободной рукой. Что-то кольнуло Корсета в подмышку, а потом сразу же все вокруг стало красным, и в глазах померк свет...

...Белов молниеносно спрятал стилет в рукав. Тонкое трехгранное лезвие оставило лишь малюсенькую ранку, которая даже не кровоточила. Да сама сталь вышла чистой. Точный удар в сердце. Александр, считавший, что вор не должен сидеть в тюрьме, а лежать в могиле, мгновенно оценил качество «работы» и набрал побольше воздуха в лёгкие.

– Ой! Товарищи! Тут дяденьке плохо!

Детский голос прорезал гомон трамвайного столпотворения. Стоявшие рядом начали поворачиваться, а потом шарахаться от оседающего мешком молодого мужчины с зактившимися глазами. Возле него стоял мальчишка лет тринадцати-четырнадцати, который пытался поддержать падающего. Внезапно он снова закричал:

– Ой! Товарищи! А у него тут кошельки! Он, наверное, вор!

Пассажиры заволновались, принялись хвататься за карманы:

– Ах ты ж! Нет кошелька! Зараза!

– Ой, мамочки! Сумку порезали! А там – деньги казенные!

– Граждане, да что же это! Портмоне сперли!

– А ну-ка, парень, – к упавшему протиснулся военный в гимнастерке с кубарями комроты. – Давай-ка посмотрим, что это тут...

– Его какой-то дяденька толкнул, – быстро сообщил Белов. – Прямо в грудь, и тут же – на выход. А этот постоял, постоял, а потом на меня падать начал...

– Ишь ты. Глазастый ты, паренек... – Военный наклонился к упавшему, оттянул веко и тут же сообщил: – Холодный. Милицию надо звать. А ты, – он повернулся к Саше и потрепал его по волосам, – подрастешь – приходи к нам. Нам в Красной Армии такие глазастые и внимательные очень нужны. Стрелять-то умеешь? – Саша кивнул, и военный продолжил: – Приходи-ка, товарищ пионер, к нам, в Бауманский район, в клуб ворошиловских стрелков. Отменный из тебя стрелок выйдет, я тебе говорю...

Паренек, откликнувшийся на «Петьку», хотя на самом деле его звали Федором, осторожно проталкивался к выходу. Он точно видел, как тощий пионер ткнул рукой куда-то его хозяина и наставника Корсета. В последний момент в руке парня с красным галстуком мелькнуло что-то острое, блестящее. Слова «стилет» васек не знал, но зато прекрасно знал слово «заточка». Кто и за что упокоил Корсета? Федор прекрасно видел глаза пионера – холодные, уверенные, стальные. Такие глаза он видел у законных мокрушников³⁰, причем у таких, которым фраера³¹ замочить³² – что стакан воды выпить.

И тут мальчишка вспомнил жуткую историю о шайке, которая наводила ужас на Москву лет десять тому назад. Во главе нее стояли двое: горбун и карлик. Горбун был «Иваном»³³, а вот карлик мочил, кого горбун указывал. Неужто это все – правда?

Содрогаясь от ужаса, васек спрыгнул с подножки трамвая и дал деру во все лопатки...

²⁹ Надрезав (*уголовное аргю*), происходит от названия лезвия от безопасной бритвы или обломка опасной бритвы – «мойка».

³⁰ Убийцы (*уголовное аргю*).

³¹ Человек, не относящийся к уголовной среде или потенциальная жертва (*уголовное аргю*).

³² Убить (*уголовное аргю*).

³³ Главарь (*уголовное аргю*).

– ...Миленький, да как ты у него кошельки-то заметил? – ворковала толстуха, обнимая Сашу потной красной лапищей. – Ведь деньги-то у меня – казенные, как бы я за них оправдалась-то, а? Вот ведь ты какой глазастый, спасибо тебе большое...

Толстуха оказалась одной из кассирш Мосторга – того самого, в котором Белов собирався переодеться. Узнав о том, что мальчик только сегодня приехал в Москву к дальнему родственнику из детского дома, кассирша взяла над ним шефство и пообещала, что уж она-то паренька оденет с иголочки.

Теперь она вела Сашу в Мосторг, попутно рассказывая, как она живет – одинокая, никому в целом свете не нужная, а ведь у нее отдельная огромная комната, не проходная, и с достатком все нормально, потому что она – не просто кассирша, а старшая кассирша, и вообще...

Белов слушал воркотню Веры Степановны – так звали пышнотелую кассиршу, и думал про себя, что если прием на ЗиСе окажется прохладным, можно попробовать зацепиться за эту вот деятельницу советской торговли, тем более она явно намекает, что не прочь была бы усыновить такого вот замечательного пионера. Впрочем, в любом случае стоит сохранить контакт с такой доброй и отзывчивой тёткой...

В здание Мосторга – будущего ЦУМа они вошли со служебного входа. Седоусый вахтер в очках не обратил на них никакого внимания, лишь слегка кивнул, и Вера Степановна повела Сашку в «святая святых» – подвальный склад. Там быстро пошептала с толстяком-товароведом и, повернувшись к Александру, спросила:

– Сашенька, а у тебя денег-то сколько? А то я добавлю, если вдруг не хватит...

– Тетя Вера, да вы не волнуйтесь, – Белов специально назвал ее тетей и удовлетворенно заметил, как расцвела «товарищ старший кассир». – Дядя денег выслал, вот...

И с этими словами он показал тонкую пачку «пятерок».

– Ишь ты, – влез в беседу товаровед. – Вот уж не знал, Степановна, что у тебя родичи, да еще и такие обеспеченные.

– Это брата-покойника жены свояк, – мгновенно выпалила Вера Степановна. – А Сашенька ему – племян родной. Ты ведь знаешь, Захарыч, что у меня – никогошеньки. Вот Сашенька для меня – человек не чужой, а очень даже близкий...

– Ну, коли так, – толстяк Захарыч исчез в недрах склада и вскоре вернулся, держа в руках объемистый сверток. – Примерь-ка, вьюнош.

Белов развернул сверток и хмыкнул про себя: Мосторг выделил ему лучшее из того, чем располагал. Защитная рубашка с коротким рукавом навывпуск, такие же бриджи до колен и пилотка. Причем не испанского типа, с кисточкой, а настоящая, военного кроя. Стоящая одежда, только, наверное – дорогая...

– Тетя Вера, это же очень дорого, – произнес он, стараясь придать голосу подходящую неуверенность. – Я такое взять не могу...

– Ишь чего выдумал, – вскинулась Вера Степановна. – Одевайся, не думай. А Захарыч тебе сейчас еще сандалии и ремень принесет.

И она подтолкнула Белова к маленькой каморке, в которой он и переоделся. Это было совсем не лишним: стилет светить вовсе не хотелось...

Вечером того же дня Белов сидел в действительно громадной – метров тридцать! – комнате Веры Степановны и пил чай с пряниками и малиновым вареньем, которое очень любил еще с того, будущего детства. Хозяйка комнаты постелила ему на диванчике и теперь сидела перед ним за столом, умильно глядя на мальчишку. Они вместе решили, что на ЗиС Саша пойдет завтра, а вот сегодня он будет ночевать у своей новообретенной тетки.

– Ты смотри, Сашенька, если вдруг ты дяде не ко двору придеешься – сразу же ко мне! Обещаешь?

– Честное пионерское, тетя Вера. Под салютом. Если что не так – сразу к вам.
– Да что ты меня на «вы» называешь? Вот, правда, обижусь. Ты мне давай «ты» говори, понял?

– Понял, тетя Вера.

– А то и сразу оставайся. Скажи: так, мол, и так. Встретил сестру матери своей, которую умершей считал.

Белов едва не фыркнул, представив себе лицо сотрудника ОГПУ, который узнает, что у немецкой коммунистки из старинной аристократической прусской семьи сестра работает в Мосторге. Но пообещал, что обязательно подумает...

А тем временем к командированному третьему секретарю образовалось несколько серьезных вопросов, и он под надзором двух милиционеров прошёл в отделение.

Строго говоря, с документами у него был полный порядок, но опытный сотрудник, воевавший в ЧОН и срисовавший метки на командировочном удостоверении пионера «оказать содействие» и «пропустить без досмотра», счёл, что кашу маслом не испортишь, и решил помурьжить деателя, а там глядишь, и вскрыется что. Мутноватый был товарищ, по мнению уполномоченного Васина. А вот пионер, тот наоборот. Васин очень хорошо помнил таких вот мальцов, воевавших у Будённого в разведке и командовавших эскадронами и батареями. Нрав у мальчишек был резкий, беспощадный и в плен они не сдавались, предпочитая смерть на поле боя – бесчестью плена.

А встречавшие, увидев эту сцену, страшно засуетились. Не вступая с милиционерами в контакт, сразу же позвонили куда-то и исчезли, оставив товарища на растерзание вокзальной милиции. Они очень хорошо понимали, что под видом вокзальных милиционеров могли быть специалисты с Лубянки, и малейшее движение вокруг задержанного будет ими отслежено.

Тревожный звонок с Октябрьского вокзала, проскочив двух посредников, наконец достиг ушей человека, которого в СССР уже никогда не будут называть «кукурузником», и отразившись, словно в зеркале, вернулся к исполнителям.

Через час за командированным прибыл конвой из центрального аппарата, и трое мужчин с холодными взглядами увезли третьего секретаря в вечность, расположенную в этот раз в Москва-реке.

На другой день Александр поднялся рано, вместе с Верой Степановной. У нее сегодня была первая смена, и она поторопилась накормить «Сашеньку» до своего ухода.

Завтрак был простой, но сытный и вкусный. Вареная картошка с постным маслом, пара кусков остро пахнувшей чесноком колбасы, мягкий хлеб и чай, в который добросердечная Вера Степановна бухнула три полных ложки сахару. Да еще и «с горкой»! Напиток превратился в горячий сироп, но так как качество заварки оставляло желать лучшего, то Белов не возражал.

Хозяйка, сложив руки под подбородком, с умилением следила за тем, как с аппетитом ест «ее мальчик».

– Вот, Сашенька, сейчас покушаешь – и пойдем. А может, мне лучше с тобою пойти? – Новая идея захватила Веру Степановну, и она тут же принялась ее развивать. – Правда, а? Придем, я хоть на дядю твоего посмотрю. Ты ведь учти, Сашенька: это для тебя он – родной человек, а я-то, может, что важное увижу. Мало ли... Опять же на жилищные условия его взглянуть, а то положит тебя где-нибудь в чулане. А тебе солнце нужно, воздух...

Белов с большим трудом уговорил Веру Степановну не отпрашиваться с работы, пообещал, что сразу же, как только устроится, пригласит ее в гости. Чемодан по здравом размышлении решил не брать с собой, а оставить здесь.

Они вместе вышли из дома, женщина посадила мальчика в трамвай и долго махала ему вслед, украдкой смахивая слезы.

Добраться до главной проходной Завода имени Сталина было не так-то легко. Это потом, когда появится станция метро «Автозаводская», все станет просто: вышел из метро и шагай вперед – не ошибешься. А в это время...

Сперва – до Варварки, а потом – на шестнадцатом номере пилить чуть не через пол-Москвы, аж до рабочего поселка АМО. А оттуда – пешочком, до проходной. Небыстрое дело, неблизкий путь... Белов вздохнул, поправил пилотку и подошел к дверям проходной, через которые втекал на завод человеческий поток. Пришлось подождать, пока пройдут идущие на смену. Но все на свете имеет конец, и вот Александр распахнул дверь и вошел в здание.

На проходной стоял вахтер в синей гимнастерке и фуражке с нагановской кобурой на потёртом ремне. Саша, улыбнувшись охраннику, вежливо спросил:

– Скажите, пожалуйста, мне нужно видеть товарища Горенко. Как мне к нему пройти?

Вахтер внимательно оглядел мальчишку с красным галстуком, потом указал на окошко напротив:

– Вон туда ступай. Пропуск надо выписать.

К удивлению Белова, пропуск ему выдали без лишних вопросов, лишь напомнив, что на обратном пути он должен сдать его с пометкой самого Горенко. Получив кусочек бумаги со слегка смазанной синей печатью, Саша снова подошел к вахтеру:

– А теперь куда, дяденька?

Вахтер легонько подтолкнул его к дверям:

– Во-он там, видишь? Маленький такой домик, с желтой дверью. Вот туда и шуруй, а там спросишь.

Александр зашагал в указанном направлении и почти сразу же столкнулся с плотным человеком в защитной форме, с нашивками ОГПУ на рукаве. Крепыш чуть не сбил Белова с ног и тут же рявкнул:

– А ты тут что делаешь?! Кто пропустил?!!

– Я к товарищу Горенко, – с достоинством ответил Саша. – Вот пропуск.

Он хорошо знал тип вот таких вот крепких живчиков, которые сначала стреляют, а потом разбираются. Лучше всего на них действовала спокойная уверенность и выставленное напоказ чувство собственного достоинства.

Вот и теперь человек в защитной форме круто остановился и с интересом посмотрел на Белова.

– Постой-постой... Это не о тебе Ляо звонил? А ну-ка...

Александр посмотрел на него с таким же интересом, а затем спросил:

– А ваши документы посмотреть можно?

– Ишь ты! – восхитился крепыш. – Хорош, правда – хорош! Ну, смотри, изучай. Да, и мне свои покажи...

Они одновременно обменялись бумагами. Саша осмотрел удостоверение в зеленой коленкоровой обложке. «Андрей Тарасович Горенко, особоуполномоченный ГУГБ, 3-й отдел...» Вроде все верно...

– Так, Александр, сейчас топай в отдел. Там спросишь Казенкина, он тебя в мой кабинет проводит. И сиди пока там, жди меня. Часа через четыре поговорим...

– Через четыре?

– Ну, извини, дела. Сегодня митинг на заводе, товарищи из ЦК будут...

Белов кивнул и пошел было к зданию первого отдела, но тут же обернулся и припустил вслед за Горенко. Ему показалось весьма интересным побольше узнать о структуре охраны первых лиц государства в эти довольно-таки примитивные времена.

– Товарищ Горенко, а можно мне посмотреть? Сходить на митинг?

Особоуполномоченный ГУГБ обернулся, задумчиво посмотрел на Александра, каким-то неуверенным движением почесал лоб. А после широко улыбнулся:

– Да, дело такое, когда ещё людей из самого центрального комитета увидишь? Ладно, товарищ Белов. Будь по-твоему. Пошли. – И зашагал вперёд твёрдой походкой.

Они прошли сквозь несколько зданий и оказались в огромном сборочном цеху. Там кипела работа, но не та, что обычно. С десятков рабочих, яростно размахивая молотками, сколачивали высокую трибуну из свежеструганых досок, еще десятка два точно обезьяны ползали по стальным фермам вверху и растягивали транспаранты. Остальные оборачивали колонны и накрывали линию конвейера широкими полотнищами кумача. Чуть в стороне группа комсомолок в алых косынках разучивали приветствия, выкрикивая их нестройным хором.

Но вся эта суэта Белова не заинтересовала. Он во все глаза рассматривал нескольких молодых людей, гуртовавшихся по углам громадного цеха. Парни носили красноармейскую форму с ярко-красными петлицами, но почему-то без «кубиков», «треугольничков» или иных знаков различия. И еще в глаза бросалось отсутствие оружейных кобур на ремнях, которыми туго подпоясались гэпэушники. «И где ж это они стволы попрятали?» – подумал Саша, внимательно разглядывая местную спецуру. И даже присвистнул, заметив слегка встопорщенную гимнастерку одного из парней: «Мать моя! Эти олухи наганы под гимнастерки сунули?! А доставать как собираются?!!»

Не снеся такого надругательства над здравым смыслом, он осторожно тронул Горенко за рукав:

– Андрей Тарасович, а почему охрана без оружия?

Тот усмехнулся:

– Они – с оружием, только носят его скрытно. Ну, чтобы другим видно не было, понял?

– Ага... Под гимнастерками, да? А если понадобится быстро ствол достать – как они?

Ремни станут рвать или через ворот за пазуху полезут?

Горенко скривился, точно раскусил лимон. Честно говоря, ему и самому не нравилась эта идея спрятать оружие под гимнастерки, но приказ о скрытом ношении пришел с самого верха, а народная мудрость гласит: «С сильным – не борись, с богатым – не судись, с начальством – не спорь!» Хотя паренек был совершенно прав: случись что – достать оружие будет очень сложно...

– Ну, а ты что предлагаешь? – спросил он несколько сварливо. – Ремни с ребят снять?

– Можно и так, – согласился Саша без улыбки. – Только тогда они еще сильнее в глаза бросаться будут, и любой сразу поймет, откуда стволы станут извлекать. – Он помолчал и продолжил: – У них на вооружении только наганы? Или пистолеты тоже есть? Тотошки, там, браунинги?

– Ну, есть, – несколько удивленно ответил Горенко. – А что, это – принципиально?

Белов чуть улыбнулся самыми кончиками губ:

– Да. Если у них есть пистолеты, то можно просто прорезать карман галифе и прибинтовать пистолет к ноге напротив прореза. И незаметно, и достать легко...

Он скромно умолчал о том, что именно такую операцию он и проделал со своими бриджами и трофейным браунингом, который решил не убирать в чемодан.

Горенко прикинул в уме и так, и эдак – выходило, что сопливый мальчишка совершенно прав. И Ляо прав: к такому хлопчику стоит присмотреться куда как внимательно...

– А с наганами что делать? – спросил он.

– Ну, я бы наганы вообще не использовал для таких дел, но если уж без них нельзя – сунуть за голенище...

Горенко хмыкнул: у мальчика на все готов ответ и к тому же – правильный. Он подозвал одного из сотрудников и быстро объяснил ему принципы скрытого ношения оружия. Тот

кивнул и бегом помчался исполнять приказ. Белов удовлетворенно отметил, что дисциплина здесь была на высоте.

Когда через полтора часа в сборочный начали подходить первые группы рабочих, Горенко отвел Александра в сторонку и, приобняв за плечи, произнес извиняющимся тоном:

– Ты, вот что, товарищ Сашка. Давай-ка, брат, пока вот тут, в сторонке постой. Незачем тебе поперёд лезть.

Он ожидал, что мальчик начнет возмущаться, клянчить разрешение посмотреть на высоких гостей поближе, но, к его изумлению, тот кивнул и спокойно произнес:

– Я буду за границами внутренней зоны безопасности. И не стану подходить к ним особенно близко, товарищ Горенко, можете не сомневаться.

Андрей Тарасович опешил от такого ответа и собирался уже спросить, откуда мальчишка знает такие слова, но тут раздались приветственные возгласы, и ему стало не до странных загадок. Высокое начальство прибыло, и он заторопился навстречу.

К изумлению Горенко, первым ехал знакомый всем старшим сотрудникам ГУГБ автомобиль Власика – личного телохранителя товарища Сталина. Андрей Тарасович внезапно облился холодным потом: сегодня визит Сталина на ЗиС совсем не планировался. Его никто не предупреждал, даже не...

– Андрей, Андрей! – к нему подскочил старый товарищ, знакомый еще по ВЧК, Вася Казенкин. – Вот, телефонограмма. Только что передали из Управления: у нас сегодня будут Сталин, Каганович и Хрущев!

Поминая матерей тех, кто так «своевременно» извещает о приезде первого лица государства, Горенко кинулся к кавалькаде автомобилей, которые притормаживали напротив главного входа в сборочный цех.

Но близко его не подпустили. Несколько здоровяков в форме сделали предупреждающий жест, и Андрей понял, что пройти не удастся. Он только и смог быстро кинуть одному из смутно знакомых охранников: «Товарищи, мне бы с Николаем Сидоровичем пошептаться», и тут же отошел в сторону. Вскоре рядом с ним оказался начальник сталинской охраны.

– Ну?

– Николай Сидорыч, но нельзя же так! Предупредили бы заранее...

Лицо Власика исказила болезненная гримаса.

– Да Хозяин вроде бы и не собирался, да тут примчался этот... хохол, поедем, мол, такое событие! Новый грузовик с конвейера сходит, поедем да поедем... – Он огорченно махнул рукой. – Хозяин и загорелся: знаешь ведь, что он с народом поговорить любит. Загребли Лазаря, благо он рядом оказался, – Власик хмыкнул, – и помчались. Тебя, Андрюха, в последний момент предупредили...

Он сплюнул в сердцах, растер плевков сапогом, огорченно развел руками и зашагал к цеху. Горенко вздохнул и пошел следом.

В цеху уже волновалось народное море. Рабочие в брезентовых спецовках или промасленных комбинезонах, старых рубахах навыпуск и запятнанных брюках стояли по всему цеху, где гуще, где – посвободнее. А возле трибуны, которую все же сумели закончить, давка была такая, словно тут собирались раздавать бесплатное сливочное масло. Андрей Тарасович оглядел все еще раз, нашел глазами своих сотрудников, показал их Власику и, снова вздохнув, встал в сторонке от трибуны...

Александр изумленно смотрел на происходящее в цеху. Он уже вычислил пять совершенно неконтролируемых мест, где могли бы прятаться стрелки, и нашел насколько позиций, на которые встал бы сам, если бы готовил ликвидацию. Однако вся его реакция пока вылилась в короткое «Ур-р-роды безмозглые!». Мужчина, стоявший рядом, услышал Сашину характеристику, но, видимо, принял эту характеристику на счет производства и отодвинулся

с обиженным видом. И тут Белов обалдело замер: в цех входил... СТАЛИН!!! Сам! Практически без охраны!! Действительно, нельзя же считать охраной крепыша примерно сорока лет, с настороженным цепким взглядом, который шел рядом с первым человеком государства. Хотя нет – еще три пары появились... Ну, ладно, эти хоть довольно толково встали. Вот только парами они работать грамотно не умеют. Так: две пары встали в радиусе ноль... Один другому директрису блокирует – мастера! А третья пара всунулась в самую толпу... Так, смотрим дальше. Кто это у нас на трибуну вылез? Ага... Парторг завода... Ну, послушаем, полюбопытствуем...

Интересно все-таки, как это Сталина при таких раскладах до сих пор никто не пристукнул. Вон, Кирова как завалили – до сих пор в спецшколах это покушение приводят в пример бестолковой организации охраны. Могли ведь и Сталина... А это еще что?!!

Саша, замерев, смотрел, как к краю трибуны подошел Сталин. Он постоял, подождал, когда успокоятся собравшиеся рабочие, и начал говорить спокойным, чуть глуховатым голосом:

– Я, товарищи, не имел намерения сегодня выступать. Но вот мой друг, – Иосиф Виссарионович обернулся, показал рукой на плотного человека в полувоенной одежде, – Никита Сергеевич Хрущев, можно сказать, силком притащил меня сюда. И, если говорить по совести – правильно сделал. Ведь у вас сегодня – большой праздник. Сегодня с конвейера вашего завода сходит первый грузовоз новой марки. А такие грузовозы очень нужны нашему хозяйству. Очень нужны. Давно нужны. И вся страна их давно ждала, пока вы, товарищи: рабочие, инженеры, техники, чертежники – вы все сделаете эту машину. И вы ее сделали...

Краем глаза Александр заметил что-то неправильное впереди от себя. Его внимание привлек молодой парень в спецовке. Обычный парень, но уже через секунду Саша понял, что показалось ему неправильным: спецовка была чистой. Слишком чистой. Ну уж слишком. Просто-таки подозрительно чистой...

В это момент Сталин подошел к самому краю трибуны. И тут парень зачем-то сунул руку в карман. Его правое плечо пошло вверх, рука явно что-то доставала... Короткий взблеск вороненого металла, и тут же Саша метнулся вперед. Удар ребром ладони по руке – и на пол упал револьвер. Парень еще не успел ничего понять, когда Белов перехватил его руку за мизинец, завернул рывком назад так, что мизинец оказался в болевом захвате и тут же подбил ногой под колено. Парень упал, сам заворачивая себя руку назад. Одновременно Сашка заорал во всю мочь своих детских легких:

– Оружие! Оружие!

Парень было рванулся, но захват был мертвым. Свободной рукой Александр ткнул пальцами в шею, и клиент, захрипев, обмяк. Саша снова крикнул: «Оружие!», и тут сильные руки попытались его оторвать от захваченного.

– Сперва перехвати, мать твою! – рыкнул Белов. – Фиксируй его!

– Поумничай, поумничай, – пробурчали за спиной, но действительно приняли захваченного.

Саша отпустил руки и встал. Пол в цеху был выложен металлическими шестиугольниками, об один из которых он ободрал себе колено. И здорово ободрал: вся нога была в крови... Тут его грубо схватили за плечо:

– Ты куда бл... лезешь, сопляк?!

Это оказался разъяренный Горенко. Он тряхнул паренька, и тут вдруг услышал спокойное и злое:

– За вами подчищать, раз сами делать ни хера не умеете!

Андрей Тарасович задохнулся от возмущения, но тут рядом с ними возник Власик. Он хмуро посмотрел на обоих, потом смахнул руку Горенко с плеча Белова и потянул мальчика к себе:

– Пойдем-ка... – и добавил, обращаясь к Горенко: – Однако и сотруднички у тебя, Андрюша. Где только находишь?

4

Саша шагал рядом с крепышом и пытался решить: это – какой-то известный человек или просто очередной охранник? Лицо его было ему незнакомо... или он просто забыл? Вроде на память он не жаловался. Хотя... – нет, пожалуй, это – не простой охранник. Простые охранники так с особоуполномоченным разговаривать не станут. Приехал вместе с товарищами из ЦК... какого лешего?! Приехал вместе со Сталиным, значит...

– Товарищ Власик, – как можно более невинно спросил Александр своего сопровождающего. – А куда вы меня ведете?

Тот вздрогнул, сбился с шага и остановился, пристально глядя в лицо мальчишки.

– Ты меня откуда знаешь, малый?

«Угадал, – удовлетворенно подумал про себя Белов. – Будем давить дальше».

– Ну, если приехал товарищ Сталин, значит, вместе с ним должен прибыть и начальник его охраны. Я прав?

Власик мотнул головой:

– Ну да, и каждый пацан в Москве знает начальника охраны товарища Сталина, – последние слова он произнес с каким-то восхищенным придыханием, – в лицо и по фамилии. Так?

Саша посмотрел Власику прямо в глаза:

– Нет, конечно, но и я – не каждый...

И уверенно зашагал вперед, оставив изумленного и слегка растерявшегося Власика. Тот несколько секунд приходил в себя от услышанного, а потом бросился догонять странного мальчишку. Через несколько минут они оба стояли перед Сталиным.

Иосиф Виссарионович молча и внимательно смотрел на стоявшего перед ним мальчика. Потом негромко спросил, указав на разбитую коленку:

– Больно?

Тот кивнул.

– Очень больно?

– Нормально.

Сталин снова надолго замолчал, затем очень медленно, растягивая слова, спросил:

– Этот – он хотел стрелять?

– Да.

Сталин оживился и следующий вопрос задал очень быстро:

– Как определил?

– Плечо вверх, значит, – достает из кармана... – Саша пожал плечами. – Не портсигар же он доставал. А потом уже увидел оружие.

– И ты... Почему?... Почему вы это сделали?... – Сталин запнулся на секунду, подбирая определение четырнадцатилетнему подростку, стоявшему перед ним. Но не подобрал и просто повторил: – Почему?

Под этим пронзающим взглядом Александр не успел среагировать и одернуть себя, как уже выпаливал строчки служебной инструкции:

– «В радиусе зоны ноль первого лица, любое движение оружия является попыткой нападения»... – Подумал и добавил: – Ликвидировать без приказа...

С минуту Иосиф Виссарионович молчал, осмысливая услышанное. От этих слов веяло каким-то жутким, леденящим холодом, который его старый приятель и однокашник по семинарии Гурджиев без улыбки звал «Холодом ада». Словно наяву он увидел нескладную фигуру, горящие близорукие глаза, а в ушах зазвучал убедительный, уверенный голос. «...В мире иногда возникает нечто, совсем чужое, точно выломанное из другого мира и брошенное

в наш мир. Иногда это бывают и люди. Перерожденные... Тибетцы, которые достигли удивительных высот в медицине, верят, что один человек может вселиться в тело другого. Занять, так сказать, чужое место... – Гурджиев облизал пересохшие губы. – Я видел одного такого... или одну. Девушка пятнадцати лет утверждала, что она – сорокалетний купец». Тогда он посмеялся над словами своего друга и сказал, что в скорбном доме могут встретиться и более занятные экземпляры. Но старый друг настаивал: «Понимаешь, сказать можно, что угодно, но она ходила, говорила, садилась и вставала, как мужчина. И это было странно и страшно...» На мгновение Сталину тоже стало страшно при виде мальчика с глазами умудренного жизнью бойца, но он быстро справился с собой. Колебания были отброшены и, указав Власику на мальчика, Сталин коротко приказал:

– Мы с ним едем вместе. На дачу... – И повернулся к Саше: – Родители знают, где ты? Белов мотнул головой.

– Сирота. Я потом позвоню, можно?.. – И спохватившись, добавил: – Товарищ Сталин...

– Кому?

– Не скажу, – упрямо сказал Александр, на этот раз выдержав тяжелый пристальный взгляд вождя. – Ее потом затаскают, а она ничего не знает.

Сталин усмехнулся:

– Своих не сдаешь? Правильно... – Потом чуть приобнял мальчика здоровой рукой и спросил неожиданно ласково: – Пошли?..

... Два человека сидели за столом в малой столовой Ближней дачи. Один из них был главой первого в мире социалистического государства, другой... Другой выглядел мальчишкой, разве что взгляд у него был не совсем детский. А вернее – совсем не детский...

– Чаю хочешь, товарищ Белов? – спросил Сталин и, не дожидаясь ответа, приказал куда-то в пространство: – Чаю нам.

– Спасибо, – сказал Саша, принимая стакан, принесенный горничной. Отхлебнул. – Вкусно, спасибо.

Иосиф Виссарионович молчал, мешая чай ложечкой. Ситуация складывалась – глупее не придумаешь: Сталин не понимал, о чём можно разговаривать с таким странным мальчишкой, который совсем не напоминал ребёнка, а Белов, который в жизни никогда не встречался с первыми лицами государства, не представлял, о чём можно вести беседу с самим Сталиным.

– Ты кто? – внезапно спросил вождь, вперив в Белова тяжелый, давящий взгляд. – Говори. И правду говори: мне врать нельзя.

– Все равно не поверите, – ответил Саша и отвел глаза. – Я бы не поверил.

– Говори, я попробую поверить.

– Александр, только не Белов, а Ладыгин. Шестьдесят восемь лет, полковник в отставке, подразделение специального назначения внешней разведки. Погиб в две тысячи тридцать четвертом году. И вот... – Он развел руками и повторил: – Вот...

Сталин молчал. Очень долго молчал. Потом тряхнул головой:

– Значит, ты в шестьдесят шестом родился?

– Да.

Снова долгое молчание.

– Когда я умер?

На этот раз Белов не отвел взгляд:

– В тысяча девятьсот пятьдесят третьем.

Сталин покачал головой, затем принялся обстоятельно набивать трубку, ломая в нее папиросы. Взял со стола спички, закурил, выпустил клуб дыма, потом вдруг спохватился:

– Сам курить не хочешь?

Белов усмехнулся и покачал головой:

– Вообще-то я – курящий... был. Но новый организм портить не хочу.

– Правильно...

Снова повисло долгое молчание. Белов не знал, что сказать Сталину, Сталин не знал, что спросить у Белова.

– Война будет?

– Да. С немцами, – предваряя очевидное продолжение, сказал Саша. – Начнется двадцать второго июня сорок первого года.

– А когда победим? – быстро спросил Сталин, и Александр восхитился его уверенностью.

– В сорок пятом. В мае. Восьмого числа они подпишут капитуляцию, через двадцать четыре часа мы ее признаем.

– Долго, – покачал головой Сталин.

– Еще бы. Потеряем Киев, Севастополь, Одессу, Минск, Смоленск, – Белов запнулся, пытаясь вспомнить основные города, которые потом освобождали с таким трудом. – Еще Харьков, Ростов, всю Прибалтику. В сорок первом немцев с большим трудом остановили у Москвы, а они в сорок втором снова как поперли! Под Сталинградом только остановили... Ленинград в блокаде с сорок первого, прорвут только в сорок третьем... Двадцать миллионов человек...

– Как же это вышло? – после паузы спросил Сталин. – Что было не так?

Саша задумался. Потом решительно ответил:

– Да, в общем-то, все! Связь, транспорт... Танками пользоваться не умели... Предателей было много... С двигателями авиационными – засада. Для них хороший бензин нужен, высокооктановый, а у нас... В общем, получилось, как получилось. Немцы до нападения на нас – два года воевали, а у нас только пограничные конфликты. Ну и вообще...

– Про предателей – поподробнее, – попросил Сталин.

– Так ведь, товарищ Сталин, я же – не историк. Генерал Власов, но про него у нас все знали... Был кто-то еще, только уж извините – не помню...

Они снова молча смотрели друг на друга. Потом Сашка решил:

– Товарищ Сталин, Иосиф Виссарионович, давайте я Гитлера сактирую. Мне это будет несложно: во-первых, я знаю немецкий язык в совершенстве, во-вторых – на меня никто не подумает. Мальчишка, что с него возьмешь?

Сталин чуть-чуть улыбнулся и отрицательно покачал головой. Снова повисла пауза.

«Что я еще могу ему предложить? Что?! – Калаш? А толку? Пока на другие патроны перейдут – может еще хуже получиться...» И тут вдруг в его голове, будто искра, проскочила ИДЕЯ...

– Товарищ Сталин. Можно попросить несколько листов бумаги и карандаш?

– Рисовать будете? – усмехнулся Иосиф Виссарионович и, открыв ящик стола, достал небольшую пачку бумаги. Поднялся, обошел стол и положил её перед Сашкой. Потом подхватил со стола металлический стаканчик с карандашами и поставил его рядом с бумагой. – Прошу...

«Как же там?...» Естественно, Александр прекрасно помнил, как именно устроена установка для риформинга прямогонного бензина, потому что это как минимум было его специальностью, а в институте имени Губкина учили на совесть. Тонкие линии ложились на бумагу словно сами собой, и чётким «чертёжным» шрифтом он делал поясняющие надписи. Потом собственно формулы, которые, возможно, советским химикам были и не нужны, но для солидности – не помешает. Затем – параметры процесса, которые были, безусловно, неизвестны советским спецам. Да и нессоветским – тоже...

Затем последовало скрупулезное описание установки каталитического крекинга. Саша поколебался, описывать ли установку пиролиза³⁴, и решил оставить ее «на потом». Полиэтилен и полипропилен пока могут подождать...

– Что это? – поинтересовался Сталин, когда на стол перед ним легла стопка листов с текстом и чертежами.

– Вот это – установка для риформинга прямогонного бензина. Позволяет получить высокооктановый бензин без тетраэтилсвинца. Можно и «сотку»³⁵.

Он остановился и посмотрел на Сталина, определяя его реакцию. Да и просто: понимает его вождь или нет? Вроде понимает...

– Из того же количества бензина мы получим куда больше топлива, причем двигатели не будут освинцовываться. Меньше нагара, больше срок службы. Нефти нужно почти вдвое меньше. Правда, требуется некоторое количество – около трехсот килограммов, платины, но она пока ведь в промышленности не используется. Да и тут она почти не теряется, просто потом потребуется регенерация.

Он перевел дух и показал на следующие листы:

– А вот это – установка каталитического крекинга темных нефтепродуктов. Можно получать бензин и дизельное топливо из мазута. Выход светлых из нефти повышается для бакинских нефтей в полтора, а из татарских и башкирских – в два с лишним раза! Тут тоже потребуется платина, примерно с полтонны. Но и безвозвратные потери составят не больше пяти-шести килограммов за три года. Можно показать это товарищу Губкину? Он, насколько я знаю, лучший специалист в этой области, – добавил Александр после паузы.

Сталин молча смотрел на разложенные перед ним веером листки сероватой писчей бумаги и тискал в руке свою старую трубку. Просто бензин. Просто вдвое больше, чем раньше. Дада шени! Да если это заработает, они золотом выстелят эту трубу.

– В два слоя, – произнёс Сталин вслух и поднял трубку телефона. – Товарищ Поскрёбывшев? Товарища Губкина ко мне, срочно!

– Он сейчас в командировке, товарищ Сталин, – услышал Саша.

– Найти! Выслать самолет и доставить сюда!

...Карандаш скользил по бумаге, и только чистые листы сменяли исписанные. На бумагу ложились вещи, которые Александр хорошо знал или знал неплохо, чтобы объяснить, как оно работает. И первым делом, конечно, оружие. Стрелковое, мины, взрывчатка и смеси. Потом твёрдой рукой изобразил несколько танков. Тридцатьчетвёрку, в самом позднем варианте, с пушкой в 85 миллиметров и ИС-3 с литой башней. Надписал, как помнил, характеристики, лишний раз помянув добрым словом преподавателя по тактике военной академии, и, сделав пометку в лежащем рядом листке – «Уставы», потом подчеркнул это слово и поставил восклицательный знак.

После изобразил несколько типов глушителей звука выстрела и много другого, что в его время было обыденным и привычным. Тут же набрасывал список приоритетных направлений в разработках и указывал тупиковые пути...

Через час в комнату заглянул Власик и поднял один из листов к глазам.

– Это что?

– А? – Александр привстал и заглянул в документ. – Схема работы автомата заряжания для танка. Не знаю, сможем ли сделать, но штука довольно перспективная. Можно будет ставить тяжёлую пушку, и не ворочать снаряды вручную, и стрелять куда быстрее.

³⁴ Пиролиз – термическое разложение жидкого углеводородного сырья с целью получения сырья для производства полимеров.

³⁵ Бензин с октановым числом сто.

– И много тут такого? – Власик кивнул на стопку исписанных листов.

– И такого, и получше, – Александр кивнул. – Напишу, что... – он чуть было не сказал «вспомню», но вовремя перехватил слово, – ...знаю...

Он помедлил, не зная, можно ли озаботить начальника сталинской охраны бытовыми проблемами, но в животе уже урчало невыносимо.

– Николай Сидорович, а можно чего-нибудь поесть?

– Чёрт, прости, забыл, – Власик покачал головой. – Сейчас всё организуем.

Он вышел из кабинета, прикрыл дверь и опёрся на неё спиной, закрыв глаза.

«Не приведи господи, потеряется хоть один листок – Хозяин в пыль сотрёт и прав будет тысячу раз». Он глубоко вздохнул, встряхнулся и посмотрел на встревоженных его поведением охранников.

– Значит, так, товарищи. Через этот порог не должен перейти никто, кроме меня и сами знаете кого. Сейчас я пришлю ещё двух сотрудников, распределитесь так, чтобы не меньше трёх человек здесь у дверей находились постоянно. И никого, понятно? Ни членов ЦеКа, ни уборщицы, ни единой живой души, кроме меня и товарища Сталина. Вас это тоже касается. Ясно?

– Ясно, товарищ Власик, – уполномоченный ГУГБ Ковалёв спокойно кивнул и оглянулся на напарника, словно проверяя, насколько тот проникся задачей.

А ещё через пятнадцать минут люди Власика наблюдали, как тот сам, лично, тащит поднос с едой, не доверив этого дела даже сто раз проверенной официантке из местного пищеблока. И новую пачку белоснежной импортной, английской бумаги фабрики Ватмана тоже принёс лично, а позже сел тихо в углу и лично пронумеровал каждый исписанный лист, и сшил их в несколько тетрадей, опечатав личной печатью каждую, и упаковав в папку из плотного картона, которую в свою очередь тоже опечатал.

– Вот так вот, товарищ Белов... – Он поднял усталые глаза на такого странного паренька и вновь подивился молчаливому одобрению в его глазах.

– Правильно, Николай Сидорович. Режим секретности есть основа для крепкого сна у себя дома, а не на лагерной шконке. А что до записей, так можно, наверное, сразу заказать на бумажной фабрике пронумерованные тетради? Мне будет не очень удобно, но вам-то точно проще так, чем шивать каждый лист.

– Это дело. – Власик кивком дал понять, что оценил заботу Белова.

На другой день Сталин принимал самого крупного в СССР специалиста по переработке нефти – академика Губкина. Его прямо-таки вырвали из экспедиции в Татарии, где он искал новые месторождения нефти, которые называл «вторым Баку».

Высокий широкоплечий мужчина с плотной шапкой светлых волос, прямо в самолете переодетый в новый тёмный костюм и белоснежную рубашку, он слегка робел в кабинете Сталина, но вёл себя достойно и не заискивал, а держался уверенно и спокойно.

Когда Сталин положил перед ним четыре листка, исписанные твёрдым мужским почерком, академик, сначала не торопясь, а постом всё быстрее и быстрее начал просматривать чертежи. Химические формулы, написанные явно для того, чтобы тому, кто будет просматривать документ, было понятно, что писал специалист, он вообще пролетал взглядом, надолго задерживаясь на цифрах параметров. В какой-то момент он зашарил по карманам, ища что-то, потом поднял умоляющий взгляд на Сталина:

– Товарищ Сталин, можно листок бумаги и карандаш?

Получив и то и другое, он быстро написал несколько уравнений, подставляя буквы, потом завел глаза в потолок, пошевелил губами, а потом несколько удивленно произнес: «Ну да, ну да. Так и должно быть», и снова взялся за чертежи.

Наконец он отложил в сторону последний лист и, сняв очки, начал тщательно протирать большие круглые стёкла.

Собственно, ничего особо революционного в том, что предложено, не было. Каталитическое терморазложение тяжелых углеводородов было известно. Пусть и не так давно, но в лабораториях уже опробовано. Не у нас, правда – за океаном, В периодике уже описали.

Но вот так – полные чертежи установки, да ещё и с необходимыми рабочими параметрами и оптимальными режимами?.. Да такого во всем мире еще нет! И тем не менее – документ существовал, и ему, видимо, придётся сделать заключение о возможности данного процесса.

Не отвечая на вопросительный взгляд Сталина, Иван Михайлович снова взялся просматривать документ, обращая внимание на любые мелочи, но чертежи не несли никаких артефактов, по которым можно было бы судить о происхождении. Бумага – обычная из Мосторга. Такая и у него самого есть, и, возможно – у товарища Сталина. Карандаш, ну он карандаш и есть. Рука твёрдая, опытная. Рисунок делали от руки, но выглядит так, словно начерчен по линейке.

– Надо пробовать, товарищ Сталин, – твёрдо произнес академик. – На Московском керосиновом заводе³⁶ можно сделать. Сразу я ничего не скажу, но на правду очень похоже. В выкладках ошибок не вижу... – Подумал и добавил: – Если всё заработает, наши потребности в нефтехимии эта установка закроет почти полностью. А это и взрывчатка, и топливо, и многое другое...

Саша сидел за столом и старательно записывал все то, что мог вспомнить. Вот, например: генерал Понеделин³⁷. Что-то там с этим генералом нехорошее стряслось... А что? Вроде бы его после войны, того... сактировали. Но за что? Расстреливайте, не помню!

Вот еще «например»: крупнокалиберный пулемет Владимирова. Штука роскошная, как он устроен – примерно могу накидать, но как этого Владимирова звали? Кстати, а боеприпасы к нему уже есть или как?..

Белов как мог подробно описал ход войны, хотя купюр получилось, по его ощущениям, преизрядно. На всякий случай добавил воспоминания своего деда – офицера-фронтовика, который никогда не называл маршала Жукова иначе, как «Жорка-мясник». Вместе с тем на всякий случай указал успехи Жукова в налаживании дисциплины, отметил его операцию по очистке Одессы от уголовников. Затем снова взялся за описание оружия: автоматический гранатомет, РПГ-7 и «Муха», ПТУРСы и вертолеты... Фамилии вертолетчиков он, слава аллаху, помнил, благо их и было всего две – Камов и Миль. Из глубин памяти выплыла фамилия Грабин. Вроде бы пушки делал...

Начертил в трех проекциях «калаш», начал рисовать его изометрию и плюнул, поняв, что тут без чертежных инструментов не обойтись.

Написал все, что помнил по ядерному оружию. Оказалось, что его познания совсем невелики: саму бомбу он представлял себе вполне прилично, а вот как получить уран-235? По нулям... Только слова «гексафторид» и «центрифуга».

Неожиданно вспомнил читанные когда-то чьи-то мемуары. И тут же записал на отдельный лист: «Королеву и особенно Яковлеву воли не давать! У обоих – очень скверный характер, из-за которого они не уживаются с большинством коллег-конструкторов. А с неудобными – ведут войну, не гнушаясь никакими методами!» Подумал и добавил: «Однако оба – талантливые люди и как конструкторы – на своем месте».

³⁶ В дальнейшем – Московский опытный перерабатывающий завод (ныне – МОПЗ-Роснефть)

³⁷ Понеделин Павел Григорьевич (1893–1950) – генерал-майор. В 1941 году, командуя 12-й армией, сдался в плен немцам. После войны предстал перед военным трибуналом, приговорен к расстрелу. Характерно, что на том же трибунале генерал Музыченко, командовавший 6-й армией, был полностью оправдан и восстановлен в рядах ВС СССР.

Вот тут ему приспичило пройти в уединенное местечко. Он подошел к двери, осторожно ее приоткрыл... Двое здоровенных парней в защитной форме и синих фуражках, сидевших в коридоре, резко оглянулись на тихий звук и синхронно поднялись со стульев. Ближний к двери спросил Сашу:

– Тебе чего? – И уточнил: – Чего надо?

– Мне в туалет...

Охранники переглянулись, и первый коротко скомандовал:

– Пошли.

А второй демонстративно расстегнул кобуру и предупредил:

– Смотри не вздумай удрать. Я стреляю без предупреждения и могу в подброшенный пятак попасть.

Белов-Ладыгин испытал странное двойственное ощущение. Та часть, которая была четырнадцатилетним Сашей, очень испугалась. Аж до озноба по спине. Другая же его часть – шестидесятивосьмилетний Александр тихо улыбался про себя над пыжащимся, надутым словно индюк, охранником. Если учесть, что его никто не удосужился обыскать, и при нем был браунинг... Да он бы и без пистолета сактировал бы их легко и непринужденно. Они ж дурачки, не ожидают от мальчишки ничего страшного...

Туалет был чистеньким, но каким-то примитивным. Да и слишком далеко от столовой. А впрочем, у Сталина, наверное, есть свой, личный...

Он помыл руки в простом деревенском умывальнике со смешным литым петушком на крышке и оглянулся в поисках полотенца. Один из охранников – тот самый «грозный стрелок», открыл какую-то тумбочку и протянул ему серое холщовое полотенце. Спасибо, что хоть чистое...

Когда Саша уже входил обратно в кабинет, «попадающий в пятак» вдруг широко улыбнулся и спросил:

– Чайку хочешь? Товарищ Власик распорядился.

– Спасибо...

Он с удовольствием выпил чаю, съел два бутерброда с потрясающе вкусной колбасой, еще поработал, расписывая параметры известных ему установок нефтехимического производства, и вдруг... Он почувствовал, как у него слипаются глаза. Молодой растущий организм, который по воле нового хозяина пережил две бессонные ночи, настоятельно требовал отдать то, что ему положено. Он буквально вопил: «Восемь часов на сон! И сейчас же!»

Белов огляделся, перешел на кожаный диван, стоявший в углу, свернулся калачиком и мгновенно заснул...

Губкин давно ушёл. И теперь в кабинете Сталина шло обсуждение стратегических планов развития СССР на ближайшее полугодие. Присутствовавшие говорили громко, иногда перебивая друг друга, горячо отстаивая свои интересы. Сталин слушал, иногда кивал, соглашаясь, иногда тщательно скрывал свое недовольство и несогласие, а вместе с тем все время напряжённо размышлял: что теперь делать с этим мальчишкой шестидесяти восьми лет от роду?

Парня, конечно, нужно держать рядом, причём так, чтобы не возникло никаких вопросов. Конечно, жаль, что Белов – не историк, но... уже немало. И очень важно. Делиться даже с соратниками некоторыми данными он не собирался. Возможно, лишь ближний круг особо доверенных людей, и то...

После совещания он ещё долго сидел, размышляя, пока сумбурный поток мыслей не прервали.

– Товарищ Сталин? – Это в кабинет просочился Власик. – Время ужинать...

– Да, – Сталин встал, одёрнул френч, пошёл вперёд и вдруг дернулся назад. Вцепился в начальника охраны взглядом. – Мальчик... он все еще в кабинете?

– Так точно, товарищ Сталин! – Возбуждение вождя передалось и Власику. Он вытянулся во фронт и даже каблуками щелкнул. – Товарищ Белов оставлен мною в кабинете, под охраной четверых самых надежных товарищей!

Сталин вздохнул, ссутулился. Хороший человек Николай Сидорович, хороший. Верный, преданный, исполнительный... И абсолютно несамостоятельный! Решения принимать может только по приказу...

– Вы его хоть покормили?

– Да, товарищ Сталин. Я лично принес ему с кухни нормальный обед: первое, второе, компот и два яблока. И... – Тут Власик несколько потупился. – Я еще приказал его сопровождать, если оправиться захочет. И чаю с пряниками и бутербродами, если мало будет...

Иосиф Виссарионович покачал головой, вздохнул. Мальчика держат как арестанта... Хотя какой он мальчик: шестьдесят восемь лет! Больше, чем ему самому!

Он снова вздохнул и скомандовал:

– На дачу! И предупредите секретариат, что завтра меня не беспокоить. Только если война начнется, – и хмыкнул про себя: «Не начнется. Есть еще семь лет...»

Ворота распахнулись, и, прорезая ночь светом фар, на Ближнюю дачу влетел фэтон «Паккард Твелв». Сталину очень нравился этот автомобиль, напоминавший ему то авто, что было у него под Царицыным. Следом мчался закрытый «Кадиллак» с охраной.

Вихрем пролетев по коридорам, Сталин буквально подбежал к пустовавшему ранее кабинету. Охранники при виде вождя вскочили.

– Он там? Все нормально?

Охранники отрапортовали дуэтом:

– Он там, товарищ Сталин. Все нормально. Несколько часов тому назад выходил в туалет, потом чаю попил. С тех пор – все тихо.

Сталин распахнул дверь, ступая мягко, по-кошачьи, вошел и замер. Кабинет был пуст. Только на столе лежала большая стопа исписанных листов. На мгновение ему стало дурно...

– А где? – начал было вошедший следом Власик, но Иосиф Виссарионович уже нашел глазами спящего на диване мальчика.

Вождь тихо хмыкнул, улыбнулся, затем повернулся к начальнику охраны:

– Возьми-ка одеяло и накрой его. Только осторожно, не разбуди...

– Будет сделано, товарищ Сталин, – прошептал Власик.

Он аккуратно собрал все бумаги, и оба вышли из кабинета.

– Значит, так, – Сталин закрыл дверь и говорил теперь не таясь. – Человека к нему в кабинет, лучше – женщину. Как только проснется – сразу же мне сообщить. Буду спать – будить.

5

Белов проснулся, когда в окно кабинета брызнули солнечные лучи. Что-то ему показалось странным, и он сразу осознал – что. На диване появились одеяло и подушка. И то и другое – простые, без изысков. А еще в кабинете появилась табуретка, на которой сейчас сидела молодая женщина. Она подняла голову, протерла глаза:

– Проснулся?

– Да... А вы кто?

Но женщина уже выскочила в дверь, и Белов услышал ее громкий голос: «Проснулся! Ребята, он проснулся!», а потом – удаляющийся топот сапог.

Он встал, потянул затекшие со сна мышцы и принялся за разминку. Когда он выполнял очередное ката, в кабинет вошли Сталин и Власик.

– Александр, как вы смотрите на то, чтобы вместе позавтракать? – спросил Сталин.

– Положительно, товарищ Сталин. Только я бы сначала умылся, а уж душ – вообще предел мечтаний...

– Товарищ Власик, обеспечьте.

Николай Сидорович кивнул, а Сталин между тем продолжал своим спокойным глуховатым голосом:

– Завтрак будет часа через полтора, но если вам хочется есть...

– Чашку кофе... то есть стакан чая, если можно?

– Можно. А вот то, что вы сейчас делали, это?.. Я что-то подобное видел у китайских красноармейцев, но не такое...

– Совершенно верно, товарищ Сталин. Это комплекс разминочных упражнений, в основе которого действительно лежит китайская гимнастика ушу. С изменениями, конечно, и с дополнениями...

– Интересно... – Сталин пристально посмотрел на Белова и повернулся к двери. – Ну не будем вам мешать, товарищ Белов. Или лучше – Ладыгин?..

На завтрак Александр бежал, мучая своего охранника, которому были в новинку эти резкие перемены темпа. В конце концов, окончательно задохнувшийся парень взмолился:

– Товарищ пионер... будь такой... добрый: потише беги, а то уже сил никаких нетути...

Не снижая темпа, Саша резко развернулся, подбежал к охраннику финишным спуртом и остановился перед ним. Парень как парень, с неплохой физподготовкой, кстати, а поди ж ты...

– Тебе как звать? – спросил Белов задумчиво. И прибавил: – Ты – рязанский?

– Рязанский. А зовут Алексеем. А ты как узнал, что я – с Рязанской губернии?

Саша хмыкнул:

– Ну, это же не сложно, Леха. Во-первых, выговор. Во-вторых, тип лица, характерный для уроженцев именно тех мест. У меня в... – Тут он осекся, чуть не ляпнув «в подразделениях», и своевременно выправился: – В звене были трое из ваших мест.

– Да? Откуда? Мож, землячки?

– С Рыбного был один, с Касимова...

– О, землячок... А кто? Фамилия какая?

Белов пожал плечами:

– Кошкин вроде...

– Это который же Кошкин? Не мельника Кошкина сын?

Саша отвечал, а сам думал: «Во попал парень! Во попал! Власик из него душу на допросе вынет. Во всяком случае – постарается...»

Завтрак накрыли все в той же малой столовой. Здесь уже собрались все те, кто имел право сидеть со Сталиным за одним столом. Василий, которого частенько называли «Красным» за способность краснеть, словно помидор, его сестра Светлана – дети от Надежды Аллилуевой. И приёмный сын, Артём Сергеев – сын знаменитого большевика Артема, погибшего при испытании новой техники. Кроме них, ещё был Власик, и вот теперь – Александр Белов.

Иосиф Виссарионович подтолкнул Сашу к остальным:

– Знакомьтесь, кто не знаком. Это – Александр Белов. Он немец. Я знал его отца – вместе сражались под Царицыным. Его родители погибли в Германии. Они были настоящие коммунисты, настоящие большевики. Сашу сумели переправить к нам, в Советский Союз... – Он помолчал и закончил: – Он будет жить с нами.

Василий – ровесник Сашки, подошёл и по-мужски протянул руку:

– Василий.

– Александр.

Подростки пожали друг другу руки. Следом подошёл Артём и тоже представился, и последней, словно мышка, появилась Светлана и, глядя на нового в их окружении человека, словно взрослая протянула руку.

– Света.

– Саша, – Александр едва заметно поклонился и улыбнулся девочке, которая даже потянулась на носочках, чтобы казаться выше.

За столом у Сталина не было особых разносолов, питались в семье скорее скромно, но сытно.

– Ну, как дела в школе? – Сталин, неторопливо евший гречневую кашу, посмотрел на Василия.

– Так... – Василий недовольно поморщился.

– А мне рассказывали, что совсем не так... – Сталин нахмурился. – Опять хулиганил, опять на тебя жаловались...

На это Василий предпочёл отмолчаться.

– А ты, Артём? Тоже совсем не образец советского школьника.

Артём склонился над тарелкой так, что носом едва не касался супа.

– А мы по естествоведению проходили Антарктиду! – выпалила Светлана, отвлекая отца от опасной для брата темы. – Было очень интересно. А вы, Саша, что думаете об экспедиции в Антарктиду?

– Экспедиция? – Александр задумался. – Там такое место, что кавалерийским наскоком ничего не сделать. Антарктида это кухня погоды нашей планеты, одна из, конечно, но тоже очень важная. Там, конечно, со временем будут наши полярные станции и исследовательские городки, но всё это очень сложно. А вообще, да. Место интересное. Там, кстати, находится самое сухое место на планете.

– Там же вроде лёд кругом? – заинтересовался Сталин.

– Не везде. Совсем не везде. Например, каменистая пустыня Мак-Мердо. Там осадков не было почти миллион лет или более. Кроме того, там дуют такие ветра – почти триста пятьдесят километров в час. Как пуля на излёте. И довольно холодно. Доходит до минус девяносто градусов. В общем, не лучшее место для отдыха, – Александр рассмеялся. – Но для науки, конечно, клад. Кроме того, под трёхкилометровым слоем льда находятся реликтовые озёра, в которых могли сохраниться организмы, с которых началась жизнь на Земле.

– Вы так интересно рассказываете, словно были там... – Светлана даже забыла про еду от удивления.

– Не был, – Александр покачал головой. – Просто всегда любил учиться и читать книги. Книги это же пища для мозгов. Каша вот – еда для желудка. А книги... – это книги. Когда тяжело было, без родителей... ну... в общем, чуть не одичал. Газеты зачитывал до дыр, даже эсэсовские и штурмовиков. Так читать хотелось.

– А твои родители...

– Погибли, я же сказал, – вмешался Сталин. – Спартаковцы. Их пытались захватить на конспиративной квартире, но они отстреливались до последнего... – Он чуть помедлил и погладил Белова по голове. – Но ведь это – не конец истории, я уверен. Правда, Саша?

– Да, товарищ Сталин, – кивнул Александр, внутренне восхищаясь игрой вождя. – Я уверен, Советская Россия даст мне случай рассчитаться с долгами. Как говорят арабы: Эд дуюн эд дуюн эдден ас шараф, – произнёс он с характерным выговором. – Долг крови – долг чести.

– Ты знаешь арабский? – изумился Власик.

Василий и Артем смотрели на новичка во все глаза, а Света даже рот от удивления приоткрыла.

– Нет, конечно, – поспешил соврать Белов, знавший арабский вполне прилично. Во всяком случае – в объеме военной необходимости. – Просто эту поговорку часто повторял мой отец.

– Это верно, – поспешил на выручку Иосиф Виссарионович, тоже сообразивший, ЧТО сейчас произошло. – Сашин отец Генрих Белов долго жил в Османской империи. Еще до империалистической войны. Вот там и выучил язык. А тебя он не учил?

– Совсем немного, – Александр покачал головой. – Больше, чем китайскому, но в целом – очень мало.

– А китайскому-то зачем? – удивился Иосиф Виссарионович.

– Это сейчас Китай – деревня на задворках цивилизации. А если у них появится сильный лидер, который сможет переплавить идеологию буддизма с коммунистической идеей, да дать им лет пятьдесят спокойного развития, это будет очень мощная и динамичная страна, задающая тон во многих областях науки и культуры. Всё же несколько тысяч лет культурного развития это очень сильная стартовая платформа. Да, сейчас они нищие и страшноватые, но так было не всегда и будет совсем не долго. Китайцы очень трудолюбивы, дисциплинированы и отличаются коллективистским мышлением. В чём очень похожи на советских людей. Вообще весьма перспективная страна... – Тут он спохватился и добавил: – Отец так часто говорил...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.